Ксения Лестова и Лидия Чайка

В деревне Молочко все спокойно

Ксения Лестова

В деревне Молочко все спокойно

«Автор»

2023

Лестова К. А.

В деревне Молочко все спокойно / К. А. Лестова — «Автор», 2023

Ой да и темные дела стали происходить в Отражающем. Деревенские запасаются оберегами, готовят отвары отпугивающие, жутко пахучие. Ко мне, опять же, за советом бегут. А я что? Магии во мне почти нет. Чем могу, помогаю. Да только всем известно, что от нечисти одно лишь верное средство есть – богатырь. Отсечет голову и делов… на полминуты. Благо, царь наш Гвидон Салтанович, сжалился и отрядил к нам дюжину молодцев из терема богатырского. К горю моему и счастью соседей. Один из витязей мне сразу не понравился. Так бы и треснула. Но некогда о желаниях глупых думать, если на Красноград беда большая надвигается и опасность за каждым углом поджидает. Черти вон… из-под земли вылазят.

© Лестова К. А., 2023
© Автор, 2023

Содержание

ПРОЛОГ 5
Глава 1 7
Глава 2 24
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Ксения Лестова, Лидия Чайка
В деревне Молочко все спокойно

ПРОЛОГ

В такую погоду даже злой хозяин собаку из дома не погонит. А я вышла из избушки, чтобы укрыться под листвой деревьев не от дождя, а от подглядывающего за мной месяца. Растущая луна вот-вот будет спрятана от любопытных взоров тучей, и начнется дождь. Нужно было успеть собрать необходимые травы и вернуться домой.

Поддев ногой мухомор, пнула ее и присела на корточки. Коснулась пальцами небольшого углубления. Где есть один гриб, там и остальные. Где же они прячутся?

Заозиралась по сторонам, выискивая самый большой, с яркой красной шляпкой и белыми горошинками. Нашла, вскочила на ноги и быстро подошла. Схватилась за кривую белую ножку и вырвала свою находку из земли. Есть! Теперь…

Услышала звук ломаемой за спиной ветки, обернулась. Вовремя…

Странное существо с маленькими, но острыми рожками, выбиралось из-под земли. Поняв, что я заметила его, хрюкнуло и поспешило полностью вылезти наружу, являя моим очам кривоногую фигурку, еле достающую мне до пояса.

– Хр-р-р-р-р, – произнес черт и пристукнул передними копытцами, ловко вставая на задние лапы. Ну, чисто козел, только морда больше на поросячью похожа. Вон какой пятак огромный, розовый, и в потемках легко разглядеть можно. Глаза хитрющие, брови над ними кустистые, серые.

– Хр-р-р-р, – продолжил похрюкивать черт.

Покрепче сжав палку, которую держала в правой руке, приготовилась отбиваться. Это уже третий случай, когда возле нашей деревеньки чертовщина твориться начинает. Сначала Остап, староста, выйдя во двор по нужде, увидел, как из-под земли вылезает лохматая рука и так и норовит схватить его за штанину. Тогда мужичок еле отбился коромыслом, что жена оставила у забора.

Второй раз Аленка, дочка пастуха пошла гулять на ночь глядя, отстала от подружек, засмотрелась на резные рамы высокой избы, в которой жил Фома, мальчишка, по которому она уже второй год слезы горючие лила. Тогда ее и схватила нечистая сила. За ногу, а потом и на что повыше перебралась. Визгу было… вся деревня на ушах стояла. И вот снова…

Мухомор не бросила. Знала из бабкиной книги, что этот гриб не только человека на тот свет отправить может, но и нечисть обратно в сыру землю вернуть. Надо только изловчиться и засунуть «оружие» в пасть черта.

Топтаться на одном месте чертик не стал. Опять хрюкнув, неуклюже перебирая лапами, побежал на меня. Не растерявшись, сначала огрела рогатого по голове, затем по хребту и только после этого, когда мой враг был частично повержен, сунула два пальца в ноздри, дернула за них вверх, открывая тем самым пасть и впихнула в нее гриб.

Черт, причмокнув, почти сразу проглотил его, выпучил глаза, которые и так были довольно большими, забился, стал вспарывать копытами землю, дергать хвостом с кисточкой. Отошла от него подальше, уже двумя руками сжимая палку. Я не то, чтобы была бесстрашной. Но и трусихой не являлась. Жить захочешь, и не так извернешься.

– Хр-р-р-р-р, ведьма! – возмутился напоследок рогатый и обмяк на траве, высунув длинный язык и закатив глаза.

Три удара сердца, и тело поглощает земля. Черта буквально втянуло в нее, пряча от меня.

Пошел дождь и я, поминая упырей и кикимор, пошла обратно домой. Сегодня нужный мне гриб отправился в пасть этого хвостатого. И еще неизвестно, смогла ли я его таким образом убить. Или он просто потерял сознание, осознав, что подвергнулся самому настоящему избиению. Еще и пальцы ему в нос засунула, мерзость какая.

Поморщившись, отерла руку о синий сарафан. Ничего, все равно стирать надо. Важнее то, что я осталась жива. Необходимо как можно быстрее предупредить царя о случившемся. Это староста считает, что пока ничего страшного не происходит. Но что, если нечистой силы в этом месте станет больше? Может пострадать ребятня. Я уж не знаю, что решит Гвидон Салтанович, но точно в беде не оставит. Хорошо бы Ягу сюда зазвать. Ведьма она сильная, опытная. Да и дочка ее под стать родителям. Еще бы… когда у тебя мать – Яга, а отец – Кощей, тут уж и ежу было понятно, что девочка вырастет одаренной.

Выйдя из леса, осмотрелась. Хорошо у нас в Молочко. Свежий воздух, лес богат на ягоды да грибы. Животина плодовитая. Опять же, молока от коров хоть отбавляй. Если бы не черти, из земли вылезающие, жили бы как прежде.

Вздохнув, пошла к своему дому, что стоял немного в стороне от остальных. Он встретил меня пустыми темными окнами и приоткрытой дверью. Ветер, наверное, снова разбушевался. Так и норовит то крышу снести, то забор покосить. А починить все это некому. Куда мне, молодой девчонке с такой тяжелой работой справиться?

Ступила на крыльцо и обернулась, в последний раз за этот день смотря на лес. Ладно, завтра снова идти придется. Но сначала побеседую со старостой. Если надумает трусить, расскажу все его жене. Василиса – женщина суровая, но справедливая. Мужа по голове огреет, если будет упрямиться, и сама царю напишет. Лишь бы государь успел. Решил что-нибудь и помог нам.

Закрыв скрипучую дверь, прошла на кухоньку, зажгла одинокую свечу, что стояла на столе, и начала раздеваться, стягивая с тела мокрую одежду. Эх… и где бы сил набраться? К концу длинного дня одно лишь желание меня посещало – заснуть сразу, а не бегать по лесу в поисках то одной, то другой травки. Или вон… мухомора особенного. Чтоб этому черту и после смерти икалось! Где я еще такого красавца найду? С настолько яркой и большой шляпкой…

Глава 1
В которой молодцы прибыли, да не все этому обрадовались

– У нас все спокойно! – вопил староста, нервно теребя край рубахи. – Все нормально, слышишь? И не нужно нам ничего. Подумаешь, пару раз на нечисть нарвались. С кем не бывает?

– Такое вообще редко где бывает! – я со злости стукнула кулаком по столешнице. Сильно стукнула, аж в глазах звездочки от боли появились. Ух, надо же было меня так разозлить! – Побойся богов, Остап! Дети могут пострадать.

– Ты как со старшими разговариваешь, девчонка! – возмущался мужичок, продолжая издеваться над верхней частью своего одеяния. – Я староста…

Снова стукнула кулаком по столу. Теперь уже другой рукой. Ишь чего удумал! Умолчать о таком! Дескать, в деревне Молочко все спокойно и переживать не стоит. Как же! Сама в ночи на черта нарвалась.

– Что происходит? – в кабинет старосты вошла Василиса. В смысле, Василиса Никитична, жена этого трусливого зайца. Упитанного такого и нервно стучащего одной ногой по дощатому полу. – Остап!

– Ничего такого, – взгляд маленьких глазок забегал по комнате. – Мы тут…

– Это вы тут. – Я самым бессовестным образом указала на мужчину пальцем, чуть ли не тыкая оным ему в нос. – А я там…

Решив не медлить, в красках рассказала, как повстречала в лесу очередного рогатого. Василиса охала, Остап недовольно сопел, периодически пытаясь вставить свое весомое слово. Но один направленный в его сторону кулак супруги и он тут же замолчал. Опустился грузной тушей на стул, вздохнул… Стул заскрипел, намекая, что долго такое издевательство над собой терпеть не станет и развалится прямо под толстым заплывшим телом. И что Василиса Никитична в нем нашла? Или это ей так родители удружили? Мне о том не узнать. Мои родные погибли еще когда мне и года не было. Воспитывала меня бабушка, да и та умерла пару лет назад, оставив мне в наследство старенький дом и книгу с записями, которыми я сейчас охотно пользовалась. И другим помогала по мере возможностей, особо не требуя за это плату, однако деревенские сами желали отплатить за доброту и помощь, добротой.

– Нельзя такое без внимания государя оставлять, – покачала головой жена старосты. – А ты, Остап, помалкивай. Любава правильно говорит. Надо письмо царю писать. Только он может решить эту проблему. Защитить свой народ от темной силы.

Письмо было написано и отправлено голубем в Красноград. Красивый город, который я видела только на картинках. Каких нервов стоило заставить Остапа скрипя пером написать письмо правильно и ничего не утаить, одной Василисе известно. Это она стояла над его душой, требуя, чтобы послание было составлено по всем правилам. И государь, не дайте боги, не решил, что местный староста безграмотный невежа.

Последующие три дня были спокойными. И это вызывало в моей душе беспокойство. Я по-прежнему занималась сбором трав и грибов с ягодами, пока погода радовала солнцем, а природа – растительностью. Но, к сожалению, даже во время работы я не могла отпустить ситуацию. Ответа от царя ждала с нетерпением, но оный все никак не приходил. Бывало, выйдя из избушки, смотрела в чистое голубое небо, щурилась от яркого солнца и никак не могла увидеть летящего в сторону нашей деревушки голубя. Неужели Гвидон Салтанович отмахнулся от нас? Быть того не может. А что, если голубя подстрелил охотник? Или он заплутал. Нашел по пути симпатичную голубку…

Мотнула головой, отгоняя от себя навязчивые мысли. Ерунда какая-то, честное слово. Какая еще голубка?

Утром четвертого дня я встала разбитая и почему-то уставшая. Хотя легла в двенадцатом часу. Что для меня было довольно рано. Нехотя расчесала гребнем золотистые длинные волосы, заплела их в косу, повязала вокруг головы пеструю ленту, чтобы выбившиеся из нехитрой прически волоски не мешали и не лезли в глаза. Надела простой бледно-зеленый сарафан с белой рубахой и направилась на улицу. Зайду к Мирославе, попрошу у нее крынку молока. Тем и позавтракаю. Что-нибудь существенное приготовлю после, когда разберусь с основной работой: три настойки от радикулита, две от головной боли и успокоительный отвар.

Я шла по кривой пыльной дороге, размахивая перевязанной прочной веревкой крынкой. Настроение так и не улучшилось. Надо было быть постоянно начеку. Мало ли очередной хвостато-копытный изволит выскочить из-под земли?

Грустно посмотрела на крынку. Не хотелось бы с ней расставаться. При столкновении с рогатой головой, она точно разобьется. Другой у меня не было.

Отдаленно послышался стук копыт. Напряглась, остановилась и стала смотреть вдаль. Там, если приглядеться с левой стороны, можно было разглядеть еле заметные темные точки. Всадники? Пока еще достаточно далеко – я бы успела дойти до дома Мирославы и затаиться там. Могла бы, да не стала. Струшу, если не узнаю сразу, кто это такие пожаловали к нам с утра пораньше.

Деревенские стали выходить из своих домов. Останавливались у заборов и точно так же, как и я, смотрели вдаль, ожидая, когда всадники наконец достигнут края деревни.

Их была дюжина. Облаченные в легкие доспехи, они мчались по дороге на конях, которые, казалось, могли бы удержать на своих спинах троих витязей. Я застыла, не решаясь уйти с дороги. Удивлению моему не было предела. Неужели царь отправил сюда богатырей? И не абы каких, а тех самых, из богатырского терема? Защитников Красноградa…

– Любава! – воскликнула Мирослава, выбегая из своего дома, что стоял на небольшом холме. Видно ей было меня с того места хорошо. – Иди сюда! Чего встала?

На самом деле, с чего это я? Сделала сначала один шажок, потом второй, босыми ногами ступая по дороге, не боясь изранить ноги. Из обуви у меня были сапожки, в которых в холодную погоду ходила, да еще одни, полегче, чтобы в жаркую пору не спариться. Разгуливала я правда в них не всегда. Вот сегодня надевать не стала. Чего идти-то…. Пять домов обойти, на холмик подняться и вот он, дом Мирославы. Неподалеку паслись три упитанные коровы и, нервно дергая ушами и длинными хвостами, отгоняли от себя мух и слепней. Куры, бесстрашные птицы, поблизости расхаживали и так и норовили попасть под копыта.

Успела добраться до женщины до того, как витязи добрались до крайнего дома. Точно к старосте для начала пойдут, а там видно будет. Не то чтобы я была очень рада присутствию чужаков в деревне. Рассчитывала на Ягу, которая в два счета бы, наверное, с нечистью справилась. Зачем царь сюда своих богатырей отправил? Границу защищать? Ведь отсюда до Замухрыни рукой подать. Только оттуда угрозы вроде как не предвидится. Территория перешла во владения Константина Бессмертного. Вот когда там Евстратий Дадонович правил, другое дело. Еще бабушка рассказывала, как всякие кикиморы из речки вылазили, желая утянуть за собой в воду любого представителя мужского пола. Причем им не важно было, человек это или бык с петухом.

– За молочком пришла? – спросила пожилая женщина, проходя через сени и открывая дальнюю дверь, что вела на задний двор. – Только подоила Звездочку. Она будто чуяла прибытия чужаков, недовольно фыркала и хвостом била.

Глаза не успели привыкнуть к полумраку дома, как мы вновь вышли на солнце. Моргнула, прогоняя разноцветные точки, неожиданно помешавшие нормально видеть. Не могла я так быстро перегреться. Солнце еще не настолько разогрело землю, чтобы резко стукнуть меня

своим лучом по макушке. Переволновалась просто. Не ждала прибытия богатырей. Это ж у нас в деревне настоящее сватовство начнется. Не то чтобы свободных девиц много было. Однако имелись особенно прыткие и смелые красавицы. А уж охомутать богатыря красноградского каждой из них захочется.

Мирослава отлила мне в крынку немного молока, проводила до калитки и пошла отлавливать своих коров, которые, ведомые курами, заторопились в сторону дома старосты. Неужели и в животине любопытство проснулось?

Во мне, будь оно не ладно, тоже любопытство проснулось. До чего Остап с молодцами договорится? Если витязи в дом войдут, смогу подслушать, подкравшись к окну, возле которого росли густые кусты шиповника.

Надо было вернуться домой и хотя бы молоко там оставить, чтобы в руках ничего лишнего не было. Но на это я бы потеряла время. Что если разговор закончится? К Василисе Никитичне лишний раз за разъяснениями не обратишься. Женщина она была суровая и не особо словоохотливая.

Народа у дома старосты было немного. Не все осмелели настолько, чтобы познакомиться поближе с богатырями. Мужики, как-никак, кто их знает, что им в голову взбредет? Силищи в них в разы больше, чем в простом витязе. Об этом мне тоже бабушка рассказывала. Ну… это если Гвидон на самом деле богатырей из терема отрядил. Все-таки не с простыми ворюгами дело иметь придется, а с силой темной.

К дому главы деревни было решено подкрасться с противоположной от главного крыльца стороны. Там никто не топтался, да и чтобы к терему подойти, нужно было лезть через кусты. Не шиповника, слава богам, но все же…

Пригнувшись, осторожно ступала, стараясь не шуметь. Подкралась к нужному окну, поставила крынку на землю и, ухватившись за край деревянной резной рамы, подтянулась, чтобы лучше было видно, что внутри происходит. Не на третий же этаж дома Остап всех молодцев зазвал? Пусть местные и звали эту постройку теремом, но места в нем было не так чтобы много. Это со стороны кажется, что староста неплохо живет. На самом деле – брешет.

Я угадала, староста собрал мужчин в самой просторной комнате. Их было двенадцать. Дюжина богатырей стояла и все как один недовольно взирали на сжавшегося хозяина дома. Супруга его была рядом и с тревогой поглядывала на гостей.

– Ну что, староста… – взял слово высокий блондин, складывая руки на широкой груди.

Запоздало заметила, что аж дышать перестала. Смотрела на него во все глаза и пыталась поймать каждое сказанное им слово. И взгляд почему-то отвести не могла. Прикипела к конкретно этому богатырю и все тут. Ох, надо было Аленку с собой звать. Чтобы она в случае чего приводила меня в чувство. Подзатыльник бы хоть дала, чтобы мозги на место встали. С чего вдруг я его разглядывать стала?

Мотнула головой и чуть было не свалилась, подминая под себя шипастый куст. Вовремя спохватилась и еще сильнее сжала край подоконника. Ноги еле-еле касались земли. Надеюсь, меня никто не увидит… С той стороны на подоконнике стоял горшок с пышным цветком, штора частично прикрывала… Если что, скажу, что мимо проползала. За шиповником пришла. Мой, дескать, совсем увял.

– Не гневайся, Белозор, – всхлипнул Остап, заламывая пухлые ручки. – Я хотел раньше сообщить. Да не успел…

– Ты людей опасности подверг, – а это заговорил другой мужчина, такой же высокий, как первый, только волосы были светло-русые. – Царь, узнав о том, первым делом решил тебя головы лишить. Авось бы поумнел…

– Не запугивай, Вольга. – Тот, кого староста назвал Белозором, опустил широкую ладонь на плечо товарища. – Того и гляди в обморок грохнется с перепугу. А нам еще многое узнать надо.

– А что с того? – хмыкнул богатырь-оборотень. Про этого мужчину такие слухи по всему Краснограду ходили! И вот он был направлен к нам в Молочко? Или это другой Вольга? Навряд ли… Он же, поговаривают, и в сокола превратиться может, и в орла, и в змея, и в… да много в кого! Причем доподлинно неизвестно, что из этого на самом деле правда. – Авось головой стукнется, и мозги на место встанут. Иначе не повезло деревенским с таким старостой. Надо бы его погреба, да чердак проверить. Вдруг там сокровища хранятся, которые он за столько лет собрал. Вижу я по бегающим глазам, что не все с ним чисто.

И не поспоришь. Наш глава тот еще жук—навозник. Как запросит плату за деревенские нужны, не знаешь, где деньги искать.

– Не бери грех на душу, друг, – продолжал уговаривать Белозор. – Что, если после такого он и не очнется вовсе?

– Хватит! – заверещал Остап, дрожащей рукой проводя по блестящему от испарины лбу. Эк его пробрало со страху. Еще немного и в самом деле встретится головой с полом. А такую тушу притянет к оному будь здоров. – Я сам все расскажу! Только уйдите из терема. Любой деревенский вас с радостью в свой дом примет. На всех места хватит.

– Мы сюда не на отдых прибыли, – хрипловато проговорил Белозор. – А про нечисть разузнать. На несколько дней останемся, а там видно будет. Погода сейчас теплая, можем и на сеновале устроиться.

И откуда же ты такой правильный взялся? Хотя, откуда и так понятно. Из терема богатырского прибыл. Вопрос в другом, из каких он мест? Наши парни все больше о своем благополучии беспокоятся. Иногда так разленятся, что матушки их с трудом уговаривают сено пойти поворошить. А уж про то, чтобы огород прополоть и речи быть не может. И почему я никак не могу от него взор отвести? Так и хочется запомнить каждую черту его лица, ширину плеч, высокий рост. Никогда еще меня так молодец не волновал. Это пугало настолько, что если бы не желание разузнать о планах витязей, уже бы подхватила крынку и помчалась к себе домой, в надежде, что меня уж точно судьба с этими богатырями не столкнет.

– Друзья, – продолжил тем временем говорить Белозор, – мы с Вольгой в кабинет старосты пройдем. Как следует с ним потолкуем, а вы разузнайте у местных, что да как. Потом сверим и уже будем решать, как дальше быть.

Староста икнул. Не на шутку перепугался. Еще бы, если его слова будут противоречить рассказанному деревенскими, богатыри осерчают. Напишут царю, а тот и в самом деле способен сурово наказать нашего главу. Жалко мужчину не было. Сам виноват, что спустя рукава деревней управлял и только и делал, что деньги собирал. Попробуй не дай, со свету сживет Сплетни распустит. А наши и рады будут языками почесать. Как-то я возмутилась подобному произволу. Он и пустил слух, что я якобы за свои отвары заоблачные деньги беру. Тогда некоторые ко мне ходить перестали, подумав, что я ни с того ни с сего себя высоко оценивать стала. И их не смущало, что до того я если и принимала плату, то никогда не указывала конкретно, что и сколько нужно. Каждый сам для себя решал, как оценить мою работу и помощь.

Долго ли я еще буду жалеть об отсутствии поблизости Аленки? Она бы сообразила, за уши оттащила.

Пока двое богатырей вместе со старостой поднимались на второй этаж по деревянной лестнице с резными перилами, Василиса Никитична провожала остальных молодцев к выходу. И ежу понятно, как сильно она желала побыстрее спровадить незваных гостей. Небось, успела пожалеть, что тогда согласилась со мной и заставила своего благоверного написать письмо царю.

Хода на второй этаж у меня не было. Если только вскарабкаться по раме. Настолько отчаянной и любопытной я не была, поэтому, подхватив крынку, стала пробираться через кусты обратно на дорогу. Все что могла, я узнала.

Моя избушка встретила меня пустотой. Не хватало в ней жизни, шума. Я привыкла за прошедшее со смерти бабушки время жить одна. Деваться некуда. Близкими подругами я не обзавелась. Навещать меня было некому. Приходили за помощью и, отблагодарив, уходили к себе, торопясь опробовать ту или иную настойку, растирку, сбор или еще чего.

Поставив свою ношу на стол, прошла к окну. Зачем? Кто бы еще сказал… Лес при свете дня не выглядел таким устрашающим, как ночью. Сегодня вновь придется туда идти. Искать цветущий гриб. Главная составляющая заживляющей глубокие порезы мази. Запасы заканчиваются. А она, между прочим, скорее всего, пригодится. Нутром чуяла, не все так просто у богатырей будет. Да, они сильнейшие витязи Гвидона Салтановича, но и у них бывают промахи.

До самого вечера я занималась хозяйством. Протерла, где смогла достать, пыль, смахнула веником паутину, помыла полы. Словно ждала гостей. С какой такой стати, сама не понимала. Стоило набраться сил, перед походом в лес, а я суетилась по дому, приводя его в порядок. Еще и ужин приготовить надо было. Иначе приду ночью или ближе к утру уставшая, а есть нечего. А уж если без заветного гриба вернусь, совсем грустно станет.

Я только успела постелить у входа влажную тряпку, как в дверь постучали. От неожиданности дернулась, вскрикнула и чуть было не упала на пол, запутавшись в ногах. Надо было так заработаться, что они держать нормально перестали.

Открывать не торопилась. Подошла ближе, прислушалась. Были слышны стрекот кузнечиков, кваканье изморенной жарой лягушки, чириканье птиц.

– Открывай, хозяйка, – послышался смутно знакомый мужской голос. – Староста сюда направил на ночевку.

Чего-о-о-о-о?! Я была так изумлена, что еще немного и глаза бы выкатились. Что-что он сказал? С-с-староста? На ночевку?!

Давясь возмущением, отодвинула задвижку и распахнула дверь, гневно взирая на двух мужчин. Черте что! Их еще и двое. И ладно бы кто другой, так нет – Белозор и Вольга. Вот староста, крот подлый, удружил. Отомстить решил, поганец. Ничего, попросит еще у меня настойку от похмелья – в лицо выплесну, пусть по капле собирает.

– Оп-па, – проговорил богатырь-оборотень, пробегая по мне удивленным взором. – А Остап сказал, что она стара, как сама Смерть.

Это я до этого возмущением давилась? Нет, просто поперхнулась. А вот сейчас на самом деле давиться стала. Неприличными словами, которые прямо рвались с языка. Прикусила его, чтобы не сболтнуть лишнего.

– Если Смерть на самом деле такая, я готов умереть, – сказал Белозор, в задумчивости почесывая небритый несколько дней подбородок.

– Не беспокойся, девица, – Вольга не торопился входить в дом, хотя я и отступила, намереваясь пропустить их внутрь. Что я за хозяйка такая, которая гостей на пороге держит. – Мы на сеновале устроимся. Если таковой имеется.

– Не лучше ли пойти к старосте? – вопросил его товарищ. – Зачем смущать девицу? Вон как глазами сверкает. Еще немного и над избой тучи соберутся.

Это я-то как-то не так смотрю?

Моргнула, потом еще и еще…

– Неужели великие витязи испугались девчонки? – хмыкнула, упирая руки в бока. – Али помыслы у вас не такие и благородные? Чешется где? Могу мазь от зуда предложить. Абсолютно бесплатно, между прочим.

– Ай, язва, – покачал белобрысой головой Белозор. – Так и быть, в дом твой войдем. Вопросы у нас есть. Ответить придется.

– О чем знаю, расскажу, – еще немного посторонилась. И как они с таким разворотом плеч о дверные косяки не стукаются? – А там сами думайте. Если помощь понадобиться…

– Что мы, – оборотень поморщился, – немощь какая, у девицы помощи просить?

– Все может случиться.

Виду, что меня задели слова богатыря, не подала. Мысленно же стукнула этих громил по макушкам, каюсь. Нельзя недооценивать девушку, если она разбирается в травах, ягодах и грибах.

Пройдя через сени в комнату, в которой стояли стол, две скамьи и печь, мужчины не стали присаживаться. Подошли к окну и выглянули. Чего хотели там углядеть?

Я зашла за ними, осмотрелась, проверяя, все ли убрала. Как чуяла, что гости пожалуют. Причем, на неопределенный срок. Сеновал-то у меня был, да сена в нем маловато. Стало совестно. Бабушка бы уже вовсю суетилась, устраивая дорогих гостей, прибывших сюда бороться с нечистой силой, а я топчусь на месте. Еще и мечтаю кого-нибудь из них огреть по голове.

– Вы, наверное, голодны, – не вопрос, утверждение. – Присаживайтесь за стол. Я быстро что-нибудь приготовлю.

– Некогда, девица, – отмахнулся от моих слов Вольга. – Сейчас тебя расспросим и в лес пойдем. Тревожно мне. Не к добру это.

– Стоя разговаривать будем? – я изогнула одну бровь. Упрямцы, ни в какую не хотят уступать даже в простом. Тяжело с ними будет. Надо со старостой… переговорить. Совсем мужик страх потерял. Решил, что я буду терпеть такое соседство.

Подумала и сразу отбросила эти мысли куда подальше. Опять слухи пустит, хитрец. Придумает какою-нибудь пакость, из-за которой деревенские все как один начнут меня стороной обходить. Как за письмо царю не загнобил, вопрос. Наверняка Василиса предупредила, чтобы не смел пакостить. Тут не углядела. В кабинет он тогда именно с этими молодцами отправился. Вот и предложил… пожить у старушки. А у богатырей времени нет с ним лясы точить. Туда-сюда прогуливаться, решая, где бы им на ночлег остаться.

Разговор был недолгим и вскоре мои незваные гости покинули дом. Оставшись одна, приступила к готовке. Радости от соседства не испытывала. Однако, будет не красиво с моей стороны показывать характер и воплощать в жизнь кровожадные мысли. Но, на всякий случай, сегодня, когда отправлюсь в лес, прихвачу еще парочку бледных поганок. Настою их на травах и… если будут буянить или к девицам местным приставать, добавлю в еду. Два дня из кустов вылазить не будут.

Отодвинув стол, наклонилась и, схватившись за металлическое кольцо, потянула на себя. Я мало ела. В основном подавляла голод чем-нибудь простым и быстрым в приготовлении. Разносолов и варенья накопилось много. Еще и мяса копченого с сыром было в достатке. Знали, соседи, чем меня задобрить, если монет звонких в карманах нет. Придется разворошить погребок иначе исхудают богатыри и кто нас от силы темной спасать будет?

Изысков делать не стала. Каша на воде, копченое мясо и соленые помидоры с огурцами, чем не ужин?

Выставила все это на столе, чтобы если молодцы придут, когда меня дома не будет, сами поели. Знаем мы, что если мужику перед носом поесть не поставить, он будет думать, что дома стадо голодных мышей повесилось. Жители в нашей деревне были гостеприимными. Это если старосту в расчет не брать. Этот от одной лишь жадности располнел настолько, что ноги с трудом передвигает. А мы простые, человека голодным не оставим. Одно беспокоит, не будет ли богатырей у сеновала опасность поджидать? Насколько чутко они спят, чтобы услышать, если очередной черт будет из земли свои волосатые конечности высовывать?

Ближе к полуночи я поняла, что богатыри не особо-то и торопятся вернуться в дом. Не хватало еще, чтобы они в лесу заблудились, непутевые. Посмотрев в окно (какой раз за длинный день уж и не припомню), стала собираться. Взяла с собой холщовый мешок, свою палку-выручалку, обулась, чтобы не ходить по лесу босяком и вышла из дома. Дверь запирать

не стала. Как молодцы войдут, если я избушку свою на все замки закрою? Впрочем, с них станется выбить дверь или войти через окно.

Оказавшись на извилистой тропинке, что вела к самому краю леса, посмотрела на небо. Дождя сегодня быть не должно. Столько звезд я давно не видела. Яркие, словно блестящие капельки росы. Больше мне сравнить было не с чем.

Оказавшись под защитой деревьев, вдохнула чистый влажный воздух и, не теряя времени даром, опустилась на корточки, касаясь свободной от палки ладонью земли. Ну, помогай землица. Направь на нужный путь и не дай заблудиться. Помоги найти цветущий гриб. Ну и парочку поганок. От своих слов я не отказываюсь. Даже если они и произнесены про себя.

Минуты три я не ощущала никакого отклика. Показалось, что лес обиделся на меня и не собирается помогать. Кто мог знать, что он будет недоволен моим самоуправством. Черта что ли пожалел?

Земля под ладонью стала нагреваться. Отдернула руку, боясь обжечься. Ничего себе… с чего это леший решил сжалиться? Он, хозяин этих мест, обладал скверным характером. И если решил прийти на помощь, это означает, что и он, наконец-то, понял, чем грозят нам разбушевавшиеся рогатые.

– Чего встала, – проскрежетал голос слева от меня. – Поторапливайся. Пока богатыри на твой след не вышли. Тогда тобою задуманное еще долго не воплотится в жизнь.

Повернула голову в его сторону. На первый взгляд и не скажешь, что леший. Вроде обычный человек. Ну и что, что кожа зеленоватая и облачен он в листочки, травки и веточки всякие. Это на первый взгляд. На самом деле под всем этим безобразием вполне себе обычная, но простая одежда. Еще и босяком он круглый год ходил. Лешему не были страшны никакие морозы или жара.

– Спасибо за помощь, – поблагодарила хозяина леса и пошла за золотистой нитью, что вела меня вглубь.

Деревья жалобно поскрипывали. Ветер усиливался, шуршал пока еще зеленой листвой, накренял ветки, норовя хлестнуть по лицу. Приходилось прикрываться рукой, чтобы не выбраться отсюда с расцарапанным лицом.

Вдалеке завыл волк. Он не тронет, если леший вдруг не передумает помогать. И лисы носа не покажут, если на то не будет его дозволения. Ссориться с Ено чревато. Этот зеленокожий хитрец обиду в себе мог держать долго, а потом как натравить… зайцев или ворон, например. Хищников не станет тревожить. Опасно это не только для попавшего в немилость человека, но и для самого зверья. Кто знает, что деревенский может с собой за пазухой или за поясом носить.

Над головой промчалась птица. Она почти коснулась волос на макушке лапами. Ухнула и устроилась на ветке дерева, что рос прямо напротив застывшей в испуге меня. Конечно, я знала, что филины и совы ночные птицы. Но что конкретно этот серебристый красавец здесь забыл? Размах крыльев будь здоров. Он легко мог задеть прочный ствол. За местную растительность не переживала. А вот за птичку почему-то заволновалась.

Огромные черные глаза смотрели в упор. Почему именно черные, а не желтоватые? Они притягивали взор и отвернуться было выше моих сил. И снова задаюсь вопросом: как филин здесь оказался? Сколько ходила по этим местам, никогда не видела. Совы, бывало, на ветках сидели. Ухали, пробуждались перед ночной охотой. Но это точно не сова.

– Как ты здесь оказалась? – о чем думала, о том и спросила.

– У-у-у-у-ух, – отозвалась птица и склонила голову ближе ко мне.

Я бы может постояла еще, поговорила с необычным существом, но время ждать не будет. Нить в любой момент могла исчезнуть. Дорогу назад я найду, а вот цветущий гриб уже навряд ли. С поганками проблем особых не было. Вон… правее растет несколько. Такие вполне подойдут.

Отошла от дерева, на котором продолжал восседать филин, и сорвала три гриба. Сунула их в мешок и пошла дальше, держась указанного нитью пути.

Я увидела его на небольшом возвышении, полностью покрытом мхом. Моя путеводная нить обвила широкую прочную с виду ножку, словно пыталась сама вырвать гриб из земли. Взобравшись на холмик, но не торопилась отделять это чудо природы от грибницы. Красивый… и ужасно ядовитый, если использовать его неправильно. На бурой шляпке, прямо по центру красовался небольшой белый цветок, напоминающий обычную ромашку. Еще можно было разглядеть желтоватые крапинки. Которые, если на гриб попадает лунный свет, начинают светиться, тем самым освещая приличный участок земли.

Только после того, как налюбовалась на эту красоту, решилась и сорвала свою находку, сразу же пряча ее в мешок. Соседство с поганками не должно было навредить природным свойствам цветущего.

И вот я выпрямляюсь, и уже переступаю с ноги на ногу, чтобы по мху аккуратно спуститься и пойти обратно к своей одинокой избушке, как услышала громкое уханье. Дернулась, замахала руками, теряя равновесие и стала падать прямо в объятия светловолосого богатыря, который умудрился бесшумно подкрасться ко мне со спины.

Белозор подхватил меня легко, даже не пошатнулся. Растерявшись, обхватила мужчину за шею. Честное слово, руки сами собой потянулись к витязю, ища опоры и… защиты.

Мотнула головой, нахмурилась. Это когда это травнице, живущей уже долгое время одной, понадобилась защита? Не нужна она. До палки-выручалки только дотянусь и все. Против любого черта пойти готова.

– Что же ты, девица, так поздно по лесу гуляешь, – проговорил богатырь, а у меня сердце из-за этих слов быстрее забилось, а по спине мурашки побежали.

Нахмурилась еще больше, и злясь на себя, и боясь такого поведения своего тела. Колдовство он что ли какое использует, что я так на него реагирую? Слова сказать не могу. Смотрю, как дуреха, в голубые глаза и смотрю.

– А Вольга где? – наконец, вымолвила, продолжая тонуть в колдовских очах. Ну как есть Аленка. Она своему Фоме проходу не дает. Молодец из-за этого лишний раз из дома не выходит. Матушка его на поле гонит, а он упрется рогом, или двумя, и ни в какую идти не хочет. Мирослава неподалеку от их избы живет, все слышала. Рассказала мне по секрету. Я и молчу, никому не говорю. Даже Аленке, которая заметила, что греющий ей душу и сердце парень не торопится предложение делать.

– Здесь он, – хмыкнул богатырь и посмотрел себе за спину.

Туда и я глянула. И чуть было не закричала со страху. Неподалеку стоял большой волк с серебристой шерстью. Нет, не лунный, о которых легенды ходят. Вполне обычный, но мощный. Клыки такие на вид острые, что, кажется, легко толстую палку переломить могут. Слухи правдой оказались. Помимо сокола и орла, он еще и в других зверей превращаться может.

– След взял? – невозмутимо спросил Белозор, крепче прижимая меня к себе. Это что еще за наглость?

Убрала руки с шеи и, упершись в могучие плечи, попыталась отстраниться. Проще огромный камень передвинуть, чем хотя бы на пол-ладони от этого голубоглазого.

– Пусти, – прошипела, когда спустя несколько жалких попыток избавиться от близости богатыря, я потерпела поражение.

Пока я брыкалась, Вольга вернул себе человеческий облик и заговорил:

– След на самую границу с Замухрынью ведет. Не думаю, что это Кощей козни против нашего царя строит. У них уж как несколько лет перемирие. Деревенька неудачно стоит. Тут неподалеку кладбище заброшенное. Так просто не углядеть, все заросло. Оттуда сила темная и вырывается.

– Неужели колдун какой объявился? С Материка прибыл? – стал вслух размышлять Белозор.

– Надорвешься, отпусти, – проворчала, однако, не предпринимая очередную попытку освободиться.

– Сюда бы Колю, Толю, Леню и Олю, они бы быстро разведали обстановку. – Вольга запрокинул голову и посмотрел на листву, частично скрывающую от наших взглядов чистое от облаков небо. – С неба кладбище не увидеть. Я неподалеку бродил. Туда носа не совал.

– И не стоит пока, – согласился с решением товарища витязь.

Я больше не заговаривала. Сидела, краснела и злилась. Соскочить с рук не получалось. Молодец, будто издеваясь, не ослаблял хватку. Точно, первым делом займусь настойкой на бледных поганках. К разговору прислушиваться не забывала. Про кладбище заброшенное я слышала. Но никогда там не была. Бабушка моя еще ходила, собирала там травки в полнолуние. Говорила, что сила в них большая, целебная. Я была склонна ей верить, но дорогу туда никто не показал. Бродить по лесу, разгуливая у границы было опасно. Кто знает, какая живность во владениях Константина Бессмертного обитает. Вдруг мы для них как сладость заморская.

– Возвращаться пора, – Вольга вновь посмотрел на нас. – Неси свою добычу. Иначе споткнется где. А нам живая и здоровая травница нужна. Чтобы если что, деревенским помогала. Нервные они. Ты, красавица, настойки успокаивающие впрок наделай. Иначе никак. Нечисть скоро совсем обезумеет и чаще из землицы вылазить будет.

– Что же я, – злости во мне стало еще больше, – по-вашему, кроме как на простейшие настойки, больше ни на что не способна? – Негодование стало закипать во мне, как вода в котелке, что на огне греется.

– Не гоже девке в мужские дела лезть, – произнес Белозор и направился прочь от холмика.

– Я тебе не простая девка! – возмутилась и погрозила богатырю кулаком. Чуть по носу не попала. А если спорить начнет, то и в глаз попасть могу. Будет потом красавиц местных фингалом пугать. – И нечего меня нести. Я тебе не сундук с золотом!

– Эх, – вздохнул идущий по левую руку от товарища оборотень, – не знаешь ты еще, красавица, что девица душе и сердцу милая, дороже любого злата и драгоценных камней.

Смолчала, потому что спорить с этими двумя было бесполезно. Мужчины… их сложно переубедить. Если только лаской, но тут все сложно. Кто они мне такие, чтобы я перед ними лисой крутилась?

Печально посмотрела на становящееся все меньше и меньше возвышение, на котором рос цветущий гриб. Там, неподалеку, осталась лежать в траве моя палка. Потом за ней вернуться что ли? Или проще новую найти?

Слова Вольги встревожили. Мы с голубоглазым молодцем всего ничего знакомы. Разве можно меня, почти незнакомку, сравнивать с драгоценными камнями, например? Хорошо «поют», да не верится. Ой и попортят они девок наших. Ох и намучается потом староста.

Разговор сошел на нет, и до моей избушки мы дошли молча. Я пыталась молча дать понять Белозору, чтобы он отпустил меня. Дернула ногой, недовольно сопела, смотрела грозно. Мужчина либо на самом деле ничего не замечал, либо делал вид. Я склонялась ко второму предположению.

Войдя в дом, не сговариваясь, разулись у входа и направились к накрытому столу. Еда за время моего отсутствия остыла и пришлось затапливать печь. Жаль, она у меня не волшебная была. Поговаривали, что в избушке Яги Ульяны печка сама протапливалась. Слухам нельзя слепо верить. Если бы я сама могла там очутиться и своими глазами посмотреть…

К слову о глазах. Богатыри провожали чугунок с кашей такими голодными взглядами, что сразу становилось ясно – проголодались. Это в свою очередь означало, что завтра, вероятнее всего, опять придется готовить.

В еде богатыри были неприхотливы. Глубокие тарелки с кашей умяли за считанные минуты. Я еще и половину у себя не съела, хотя мою посудину тарелкой назвать можно было отдаленно, а они уже тянулись руками к разносолам.

– Ну, девица, накормила, – Вольга приложил руку к груди со стороны сердца и коротко поклонился, вставая из-за стола. – Теперь мы за собой уберем и, если тебе сегодня ничего от нас ненужно, спать отправимся.

Я сидела за столом и хлопала глазами. Сказать что-нибудь вразумительное не получалось. Где это Гвидон Салтанович таких воспитанных витязей нашел? Или остальные собрали в себе самое худшее? А что, если эти двое притворяются? Я потеряю бдительность и… А что «и» думать не хотелось.

– Не нападут ли на вас, пока вы на сеновале ночевать будете? – задала тревожащий меня в последнее время вопрос.

– Чутко спим, – ответил тревожащий мою душу богатырь, тоже вставая со скамьи. – Накормила ты на знатно, тут не поспорю. Но если снова следить за нами удумаешь, проблем на себя накликать можешь.

– То есть? – И я решила с места встать. Ой, чую, договоримся сейчас.

– То и есть, – губы витязя медленно стали растягиваться в улыбке. – Макушку твою светлую в окне только староста Остап не видел с женой. Так что, прости, Любава, представляться не будем. Наши имена ты уже знаешь.

Вот значит, как… Они видели меня, когда я к дому главы нашего подкралась. Досадно, но ничего плохого я не сделала.

– Спокойной ночи, – проворчала, складывая руки под грудью. Невольно бросила взор на сарафан. Измятый, порвать у колена умудрилась и пятна грязи по краю вышивки видны. Волосы, скорее всего, тоже в разные стороны торчат. Прямо красна девица. Кикиморы и того краше. – Я сама все уберу.

Сказав это, подхватила со стола несколько тарелок и отнесла к корыту с чистой водой.

– Упрямица, – хохотнул Белозор и, перехватив меня за талию, приподнял над полом и отставил в сторону. Я замерла с тарелкой, которую от неожиданности прижала к груди. Теперь там расползалось мокрое пятно. – Сказали же, что сами все сделаем.

– Я в доме хозяйка, – недовольно пролепетала, – и что вы себе позволяете?

– Вольга, друг, неси все остальное.

Этот… молодец точно меня всерьез не воспринимает. Привыкли они, наверное, в своем тереме девок принижать. Или портить, что более вероятно. Засуетились по комнате. Убрали остатки ужина, сор в ведро скинули и к помывке посуды приступили. Я продолжала стоять, прижимать к себе злосчастную тарелку и да, хлопать глазами. Слов приличных в голове на тот момент не крутилось. К лешему их послать, что ли? Так они с другими знакомы. Хотя я до этого про них слыхом не слыхивала. Деревенька у нас в отдалении от остальных стоит. Сюда просто так не захаживают. А местным, чтобы что прикупить или продать, приходилось пешком дня два идти до деревни, где в первый выходной месяца ярмарка проходила.

– Что же ты стоишь, девица? – отставляя чистую тарелку в сторону, вопросил Вольга. – Потерпи уж нас немного.

– Это, брат, еще не известно, – покачал головой Белозор, отирая влажные от воды руки о тряпицу, что лежала рядом с корытом. – Все случиться может. Как бы нам тут на седмицу или более не задержаться.

Оборотень наградил товарища хитрым взглядом. Точно они оба знали то, чего глупым и недогадливым деревенским девкам знать не следует.

– Послушайте, богатыри, – я наконец отняла от груди посудину и, подойдя к столу, положила ее в корыто с уже не очень чистой водой. – Вы за кого меня принимаете? Думаете, я не пойду к старосте жаловаться?

– А на что жаловаться? – развел руками Вольга, смотря по сторонам. – Не беспокойся, красавица, все что наедим, с лихвой вернем.

– Не о том она, друг, – улыбка на лице голубоглазого стала еще шире. – Но к старосте не пойдет. Ты что же… – Он сделал шаг в мою сторону. Я благоразумно отступила. – Надеялась, что мы о тебе за это время ничего не узнали? Что Остап тебя оклеветал и после этого к тебе не каждый ходить стал. А если опять к нему жаловаться пойдешь, еще что придумает. – Заметив, что я вот-вот готова наброситься на него, молодец продолжил, выставляя перед собой руки с раскрытыми ладонями: – Не злись, красавица. Не враги мы тебе. Но к другому порядку привыкшие. Сами за собой убрать можем. И коли сказали, значит, так и сделаем.

Вздохнула, покосилась на мешок, лежащий у печи, и подумалось мне тогда, что спать сегодня не лягу. Надо побыстрее отвар на бледных поганках сделать.

– Спи спокойно, Любава, – напоследок пожелал Белозор. – Сегодня мы тебя тревожить уже не станем.

Вольга ничего не сказал. Подмигнул правым глазом и направился в сени, вслед за своим товарищем.

Наглецы, вот наглецы, а!

Постояв еще немного в одиночестве, опять осмотрелась, проверяя, все ли нормально и не надо ли где прибрать. Время было уже позднее и по-хорошему стоило ложиться спать. Но, почему-то сна не было ни в одном глазу. И богатырь светловолосый из головы все никак не выходил.

С шумом выдохнув, пошла на улицу. Умоюсь холодной дождевой водой, что в небольшой бочке на углу дома собралась. Буду до тех пор ополаскивать лицо, пока все мысли на место не встанут. И пока я не перестану о всяких глупостях думать. Они пугали и вызывали сумятицу. Не к добру это. Словно я до Белозора молодцев не видела и не общалась с ними. Петр, сын кузнеца вообще как-то осмелел и поцеловал меня на глазах у своих друзей. Поспорил, наглец, что не оттолкну. А я оттолкнула. Да еще и коромыслом по маковке огрела. Благо матушка его ведра с оным неподалеку оставила. Не донесла до дома. За мужем пошла, чтобы помог. Вот я и воспользовалась подвернувшейся удаче. С тех пор Петька меня за пару домов стороной обходит. Недотрогой я не была. В том смысле, что молодых людей не чуралась. Просто не горела желанием переходить ту черту, за которой потеряю свободу. Смотря же на голубоглазого, я стала задаваться вопросом, а нужна ли она, эта свобода? Чем хороша жизнь в одиночестве?

Выпрямившись, отерла ладонью воду с лица, отошла от бочки и, споткнувшись на чем-то, полетела спиной на встречу с землей. Коротко вскрикнула, махнула рукой, тщетно пытаясь удержать равновесие.

– Хр-р-р-р-рю-у-у-у! – взвизгнуло мое живое препятствие, вставая на задние лапы и знакомо стукая передними копытами. Вот черт, снова этот черт! – Хр-р-р-р-р, – глаза заволокло ярким красным светом. – Хр-р-р-р-р! – пятачок дернулся.

Уперлась локтями о землю, приподнимаясь. Мне бы вскочить и бежать куда глаза глядят. Но там на сеновале богатыри спят. Что если этот рогатый не один заявился?

Тихое похрюкивание со стороны заднего двора дало понять, что моя догадка верна. Неужто отомстить решили? Напали ночью, надеясь, что все уже спят. Возможно, и богатырей не ожидали увидеть. Иначе чего довольное похрюкивание превратилось в визг ужаса?

Черт с копытами встрепенулся. Посмотрел себе за спину. Дернул хвостом с кисточкой, обвил им левую ногу и, опять посмотрев на отползающую от него подальше меня. Сделал первый шаг. Плохо дело. Поблизости не было ничего такого, чем бы я могла приложить незваного гостя.

Внезапно перед ним возник еще один черт. Он, как и собратья, вылез из земли и, выставив перед собой вполне себе человекоподобные руки, остановил тем самым своего товарища. Первый недовольно хрюкнул, но обходить стоящего столбом соплеменника не торопился.

– Одумайся, – голос у новоприбывшего жителя Нави был хриплым. – Не та у нас цель. Ищи, а не девчонок запугивай.

– Хр-р-р-р, – не стал отвечать по-нормальному его собеседник. – Хр-р-р-р-р… – Он указал копытом на меня.

Пока они выясняли отношения, я успела встать на ноги и отойти еще дальше. Трусливо сбегать не собиралась. Богатыри богатырями, но что, если сон их на самом деле не такой чуткий, как они рассказывали? И сейчас нашим защитникам угрожает опасность? А тот жуткий визг был не связан со страхом?

– Ищ-щ-щ-щи! – зашипел черт, у которого копыта были только на задних конечностях.

Спрашивать, что это такое они искать собирались, было глупо. Привлекать к себе лишнее внимание, чревато. Пока они заняты…

– Куда-а-а-а, – протянул мой нечаянный спаситель и ухватил за край сарафана, не давая идти дальше. – В доме запрись, бестолковая. Иначе привлечешь внимание. Вот сразу видно, баба-дура.

Замерла с приподнятой для шага ногой. Медленно повернула голову, смотря на говорившего. Он что, с богатырями сговорился? Это я-то дура?

– Не гоже бабе…

Чудом было то, что и мое коромысло стояло прислоненное к забору. А до него лишь рукой дотянуться. Вот я и дотянулась. Перехватила гладкое дерево, замахнулась и стукнула черта прямо между коротких рожек.

В следующую секунду из дома выскочили растрепанные мужчины, крепко сжимая в руках мечи. У Вольги был двуручный длинный меч, а вот у Белозора попроще. Он удерживал свое оружие за рукоять, направляя его прямо на моего обидчика. Первого хвостатого, который сейчас энергично копал передними копытами землю, пытаясь в ней укрыться.

– Не уложили все-таки, – с досадой проговорил второй, потирая макушку. – Надо было больше зазывать.

– Вольга, предупреди наших, – проговорил беспокоящий мои мысли и душу витязь, спускаясь по ступеням крыльца.

Оборотень кивнул и, убрав меч в ножны, в мгновение ока обратился соколом и взмыл в темное звездное небо.

– Хр-р-р-рю-у-у-у-у!!! – заверещал продолжающий рыть чуть ли не пятачком землю чертик.

Я покрепче перехватила коромысло. Со страху оно казалось почти невесомым.

– Отойди, Любава, – потребовал молодец, подходя к сжавшемуся ночному визитеру. – От греха подальше, отойди.

Посмотрела в сосредоточенное лицо богатыря и прикинула: если стукнуть его по макушке сейчас, одна с чертом справлюсь?

Решила, что навряд ли. Тем более неизвестно, сколько их еще может из земли вылезти. Просто проигнорировала слова мужчины. Замахнулась, предупреждая, что если рогатый вздумает пошевелиться, у меня может сработать защитная реакция.

– Любава, – напряженно произнес мое имя Белозор. За два удара сердца он оказался рядом и задвинул меня к себе за спину. От неожиданности я выпустила коромысло, и оно упало на землю.

Бабушка поговаривала, что если мужчина проявляет собственнические замашки, стремится уберечь, запереть в доме, чтобы никто кроме него не видел, это означало только одно – у кого-то наступила весна. То время, когда коты, сходящие с ума от набухающих почек, открывают охоту на кошечек. Им совершенно не важно, насколько привлекательно эта самая кошка выглядит. Им главное утолить определенный голод. До того они будут обхаживать свою жертву, пушить хвост, мурчать, ластиться, изображая из себя идеального спутника жизни. Потом оста-

вят брюхатой за ближайшим домом. Нет, я ни коим случае не сравнивала себя с обманутой котом кошкой. Дело в другом… Я не привыкла к тому, что за меня решают и оберегают. И уж тем более не носили на руках, бережно прижимая к груди. Бабушка была озабочена другим. Ей было важно вбить мне в голову определенные знания, которые в дальнейшем помогут не умереть с голоду и одновременно с этим помочь страждущему.

Белозор скорее всего выказывал участие просто потому, что не мог пройти мимо. Лучшие богатыри Красноград прибыли сюда с одной целью – уничтожить тьму, стремительно пускающую корни в этом месте. Я успела нажить себе среди чертей врагов. Не простил мне рогатый ударов палкой. Не удержался и решил воспользоваться ситуацией. Оказался прямо у моей избушки, когда я вышла во двор.

– Ну что, черти, сами заговорите или хвосты бантиками завязать? – спросил мужчина, и крутанул меч. Еще немного и кончик острия коснулся бы порозовевшего пятачка. С минуту назад он был бледный, а сейчас и в потемках можно было разглядеть, как он стал ярче. У второго рогатого с мордой происходило то же самое. Он стоял чуть в стороне и старался аккуратно копать правым задним копытом землю.

– Х-х-х-хвосты не трогай, богатырь, – похрюкивая взмолился черт с человекоподобными руками. – Мы это… в гости зашли. Поздоровались и…

Меч опять крутанулся в сильной руке и срезал немного кудрявых волос с головы незваного гостя.

– Забалтываешь язык, рогатый, – хмыкнул богатырь, делая шаг вперед. Ловким быстрым движением ухватил чертика за длинное ухо и подтянул за него к себе. – И ты стой! – приказал, смотря на второго.

– Хр-р-р-р-р, – жалобно провыл тот, шмыгая носом.

Потом случилось то, чего ни я, ни богатырь не ожидали. Показав нам кукиш, это хвостатое безобразие подпрыгнуло на месте и провалилось в землю. Его товарищ сплюнул, печально косясь на молодца, что еще крепче сжал кулак, в котором удерживал ухо.

Послышались голоса. К моему дому подходили богатыри в полном составе. Считая Белозора, их была дюжина. Впрочем, это я успела понять еще когда подглядывала за ними в доме старосты.

– Ну, что у вас здесь? – спросил один из них, подходя к калитке.

– Чертовщина, – хмыкнул второй, отодвигая не торопящегося переступать границу, за которой стоял мой дом. – Не видишь, что ли? Одного таки поймать удалось.

– Замухрынцы, – выругался черт.

– Молчи, пока тебе слово не давали, – пригрозил Белозор. – Братцы, пошли к старосте. Притащим этого… И там решим, что с ним делать.

Спорить никто не стал. Богатырь, что только-только открыл калитку, отошел, пропуская молодца с чертом. Последний брыкался, похрюкивал, иногда визжал. Делал все, лишь бы избежать тесного общения с богатырями красноградскими.

– Я с вами! – спохватилась, выскакивая на дорогу. Споткнулась, подцепив мыском сапожка камень. Если бы не поймавший неуклюжую меня в полете Вольга, в мгновение ока оказавшийся рядом, носом бы пропахала землю знатно.

– Спасибо, – поблагодарила, высвобождаясь из его рук, держащих крепко, но не так… уютно, как Белозоровы, что ли. Странное сравнение, неуместное.

Мотнула головой, с досады прикусывая нижнюю губу. Я их уже сравнивать начинаю. Будь мне этот светловолосый молодец безразличен, вообще бы о нем не думала. Не думать о витязе же не могла. Лез в мои мысли и душу, словно наглый толстый кот, увидевший миску со свежей сметаной. Ластится, подлизывается, мурчит, подкрадывается все ближе, чтобы в самый неподходящий момент захватить лапой и снять пробу.

– Ты-то куда? – предмет моих дум посмотрел через плечо колко, недовольно. – Иди в дом, Любава. Да двери и окна запри, чтобы никакая нечисть не проникла. Полынь над входом повесь. Эти рогатые ее на дух не переносят.

О том не знала, поэтому про себя отметила, что надо бы запомнить полезный совет. Не дайте боги, само собой, проверить его слова в деле.

– А с вами мне опасность в разы меньше угрожает, – принялась настаивать. Топтаться на месте никто не стал. Наша перепалка происходила, когда мы проходили уже у дома Мирославы. Не разбудить бы женщину. Она любила собирать сплетни. Пусть и не болтала лишнего, однако знала о многом.

– Вот баба доставучая, – проворчал идущий рядом с Белозором темноволосый молодой мужчина.

– Еремей, – подал голос другой богатырь, имени которого я пока не знала, – поторопился ты. Кто молодую деву бабой называет?

– Хр-р-р-ру-ю-ю-ю-ю, – взвыл черт, кажется, предполагая, куда может завести его пленителей разговор о женщинах. – Хр… – шмыг носом. – Из-з-з-зверги-и-и-и…

– Молчи, рогатый, – грозно проговорил сжимающий ухо пойманной нечисти витязь. – Пока рука моя не дрогнула, и ты без важной части тела не остался.

Если бы он это мне сказал, я бы задумалась. Уши, как и все остальное, заново не вырастают. Остаться хотя бы без одного не хотелось. Предупреждающим словам черт не внял. Заверещал пуще прежнего, в явном намерении перебудить всю деревню.

– Эх, надоел, рогатый, – махнул рукой еще один, пока безымянный богатырь и, достав из кармана широких штанов яблоко, сунул его прямо в пасть слишком шумного пленника. – Похрусти и успокойся.

– Радим, – хохотнул Еремей, – найдется ли когда-нибудь баба, что тебя прокормить сможет.

– Для этого у нас в тереме скатерть-самобранка имеется, – блондин нахмурился. – Рано мне жениться. Значит и о девицах в этом ключе думать не следует. От сей мысли у меня по спине мурашки бежать начинают табуном. А ведь я не трус.

Я шла за богатырями и внимательно прислушивалась к их разговору. Надо знать, с кем дело иметь придется. По всему выходило, есть среди богатырей и не такие благородные, как Белозор с Вольгой. Последний, кстати, шел сзади, будто сторожил.

Дойдя до дома старосты, предмет моих терзаний обогнал товарищей, застывших у крыльца, поднялся по ступеням и с силой стукнул по двери три раза. На втором этаже послышались возня, удар (скорее всего, Остап с кровати упал) и отборная ругать. Видать сильно приложился.

– Открывай, староста! – выкрикнул кто-то из богатырей.

– Поднимай свой за… – Хлопок и мысль так и не была донесена до главы деревни. – Вставай с пола! – потирая затылок, проговорил Еремей, запрокидывая голову и смотря на одно из окон на втором этаже. – Иначе мы тебя за… – еще хлопок. – Да хватит уже! – возмутился, смотря на хмурого рыжеволосого молодца. – Как есть, Поганый, – проворчал, отходя подальше.

Почему он его поганым назвал? Или это у него вместо имени прозвище такое? Чем он мог его заслужить? На первый взгляд серьезный мужчина. Рука вон… тяжелая. Иначе бы Еремей не стал быстро-быстро после подзатыльника ушибленное место ладонью тереть.

Долго себя ждать Остап не заставил. Чуял, чем ему промедление грозит. Мужчины были напряжены. Необходимо было решать вопрос – где заточить черта. Если бы его хотели убить, то Белозор бы это уже сделал. Но он зазвал товарищей, и они все вместе пошли к старосте. Как бы они рогатого у главы не поселили. Не стала бы я ему доверять столь ответственное дело, как охрана единственного, кто мог рассказать нам о цели, которую преследуют жители Нави.

Засов отъехал в сторону и дверь распахнулась, являя нашим взорам заспанного Остапа. Супруга стояла за его спиной и нервно приглаживала густые волосы. Смотрела она в эту секунду почему-то не на пойманного Белозором черта, а на Радима. Тот отводил взор и делал вид, что резная рама окна красивее пышногрудой женщины, пусть и старше его, но, определенно, с конкретным опытом общения с противоположным полом.

– Впускай в дом, хозяин, – сказал удерживающий за ухо черта богатырь и, не дожидаясь разрешения войти, шагнул вперед, оттесняя плечом Остапа вглубь. – Некогда нам лясы на пороге точить. Разговор есть. Святобой, – останавливаясь посреди просторной комнаты, позвал друга блондин, – проводи Любаву до дома. Нечего ей здесь делать. Прогулялась и хватит.

Я запыхтела как вода в чугунке. Что это за богатыри такие, которые женщину ни во что не ставят? Тут наперекор идти захочется. Показать и доказать, что не настолько я слаба и немощна, чтобы в избе отсиживаться да слезы горючие со страху лить.

– Только попробуй, – отступила от направляющегося в мою сторону мужчины. – Закричу и на уши всю деревню подниму похлеще черта.

– Упрямая девчонка, – покачал головой русоволосый витязь, прищуривая темные глаза. – Такая и укусить в порыве злости способна. Сам со своей женщиной разбирайся, Белозор.

В комнате воцарилось гробовое молчание. Тишину разбавляло лишь раздражающее жужжание комара. Очередной хлопок и Еремей опять потирает затылок. Поганый посмотрел на свою ладонь, отцепил от нее прихлопнутого комара и смахнул того на пол.

– Не разбрасывайся словами, Святобой, – пригрозил Зор.

Пока сила и мощь острова Буян сверлили друг друга хмурыми взорами, а черт, тихо попискивая, нервно жевал кисточку хвоста, Василиса Никитична зажгла свечи и комнату наполнил теплый свет, сразу же отбрасывая на стены кривые жутковатые тени.

– Пусть остается, – наконец, проговорил Вольга. – Только время потеряем, ее в избу оттаскивая. Упрямая она, непокорная чужой воле.

– Язва, короче, – подал голос Радим. И кто просил его открывать рот? Не завалялось случаем у какого богатыря еще одно яблоко? Желательно не спелое, а зеленое и кислое. Такое, чтобы у болтуна все желание язвить скукожилось.

– Ладно, – смирился с неизбежным Белозор. Зорькой его что ли называть? А то Зор через чур грозно и мужественно. – Мы не для перепалок сюда пришли…

Признаться, я все больше и больше пребывала в растерянности. Как бы в ней полностью не погрязнуть. Выбираться потом тяжело будет. Руку навряд ли кто протянет, чтобы помочь, объяснить, что вообще происходит. Почему товарищи Белозора отпускают такие шуточки. Почему он иногда так смотрит, что у меня сердце замирает. Жаль, что бабушка умерла и за советом идти особо было не к кому. Если только найти русалочье озеро и спросить совета у какой-нибудь хвостатой, обладающей даром предвидения. Она бы поведала, чем мне эти самые взгляды и колкие слова грозить могут.

– Запри этого, – кивок на притихшего черта, – в надежном месте. Есть такое в вашей деревне? Чтобы он не смог под землей скрыться. И дай бумагу с пером и чернилами. Царю напишем. Только ему решать, что с рогатым дальше делать. Допросим его сейчас, а ты помещение для заточения подготовь.

– Да где ж я его найду, – развел руками староста. – Если только подпол какой или чердак.

– Вот у себя тогда на чердаке и схорони, – хмыкнул Белозор. Почему мне кажется, что он издевается над нашим главой? Не то чтобы мне было его жалко, просто…

– Как можно, Белозор Вестогорович, – всплеснул пухлыми ручками Остап. – Что же мы теперь у меня всех чертей собирать будем?

– Почему сразу всех? – Богатырь того и гляди, рассмеется, видя как, то багровеет, то бледнеет лицо старосты. – Дюжину словим и сразу царю переправим в телеге. Они-то у вас точно должны быть.

– Угм, – неопределенно выдал мужичок, отступая назад, за спину супруги, которая продолжала теребить волосы, стреляя глазками. Взрослая женщина, я все не угомонится. Может ей настойку какую дать, помогающую притупить чувство неудовлетворенности? Или, наоборот, Остапу повышающую влечение к законной жене. Иначе доиграется, уйдет к какому-нибудь… Нет, не богатырю – не думаю, что среди них есть хотя бы один, предпочитающий женщин с опытом общения с молодцами.

– У нас полы тонкие, – попыталась избежать сомнительного соседства Василиса Никитична. – Он их… прорыть может.

Я стояла у окна, облокотившись о край подоконника и следила за лицами витязей. Ну, и за чертом тоже. Кто его на самом деле знает? Второму, вон, удалось сбежать. Причем он не приложил к своему побегу почти никаких усилий.

– Да-да, – заговорил Радим. – И стены все звуки пропускают. И крыша прохудилась. И вообще вы так самоотверженно работаете на благо своей деревни, что у вас денег даже на хлеб нет.

Теперь красные пятна появились и на лице Василисы. Как же, молодец, на которого она последние минут пять глазом косила, посмел над ней подшучивать.

– Решено, – кажется, кому-то надоело сжимать в руке длинное ухо. – Черта запрем у вас на чердаке. За ночь успеем замки подлатать. Еще несколько повесим, чтобы не вырвался.

– Он нам своим визгом спать не даст, – возмутилась хозяйка дома.

– Храп вашего мужа было слышно за несколько домов, – Зор продолжал издеваться. – Не думаем, что визг, похожий на поросячий, вам сильно помешает, хозяюшка.

– У кого поросячий?! – заверещал пуще прежнего черт. – Нор-р-рмаль… хр-р-р-р… у меня визг!

– Заодно и проверим.

Сказав это, Белозор и еще пять молодцев, не спрашивая разрешения, направились к лестнице. Староста с женой спохватились и заторопились за ними следом.

– Владимир, Глеб, – Зорька (ох, знал бы он, как я его про себя называть стала) остановился на середине лестницы и обратился к своим товарищам, что остались внизу, – проследите за Любавой. Чует мое сердце, найдет она себе приключений, если за ней не присмотреть.

Очередной намек на то, что я ходячая проблема, от которой другой точно бы возжелал избавиться, спихнув на кого другого. Или вообще держался бы подальше. Белозор оказался не из таких. Вероятно, он был обеспокоен моей судьбой, потому что им с Вольгой еще неизвестно, сколько дней ночевать на моем сеновале.

Мужчины, которым меня не представили, но и не надо было это уже, подошли ближе и встали по обеим сторонам от меня. Темноволосый высокий Владимир сложил руки на могучей груди и недовольно воззрился на меня сверху вниз. Чем больше я с ними общаюсь и вижу, тем больше ощущаю себя букашкой, старающейся спрятаться за листвой от грозной острозоркой птицы.

Второй молодец делал вид, что его совершенно не волнует малознакомая девица. Волосы у него были длинные, русые, густые. Эх, не каждая красавица деревни может похвастаться такой густотой.

Со второго этажа послышалась отборная ругань. Ругался черт, которого, судя по обрывкам фраз, за хвост тащили на чердак.

– Не оторвали бы, – смотря в потолок, пробормотал Владимир.

– Да, – согласился с ним другой витязь. – Разобидится еще и говорить откажется.

Я уже прятала за ладонью зевки, когда на лестнице показался Вольга. За ним шел хмурый Белозор. Дальше следовали Радим, Поганый и Святобой. Староста с женой шли, понурившись, в самом хвосте и помалкивали.

Прощались богатыри с Остапом и Василисой сухо и коротко. Некоторые воздержались от высказываний и просто вышли. Им не терпелось расспросить Зора и оборотня о случившемся. Меня никто трогать не собирался. Продолжали конвоировать до самой избы, а когда я в гордом одиночестве переступила порог дома, ушли. В смысле, почти все ушли. Владимир и Глеб продолжали дежурить, стоя у калитки. Не хотелось бы найти в их лицах нечаянных врагов. Разобидятся, посчитав меня виноватой в своей неосведомленности.

Спать легла, когда небо уже начинало стремительно светлеть, превращаясь из темно-синего, в нежно-голубой, с алыми разводами на границе макушек высоких деревьев. Заснула почти сразу, с головой накрывшись одеялом. Перед этим потратила еще с пару минут на развешивание у входа пучков с полынью. Во избежание встречи с жителями Нави.

Глава 2
В которой богатыри оценивают красоту девичью

Утро началось с подозрительного шуршания за окном. Вскочив на ноги, растрепанная и сонная, пошла смотреть, кто там такой шумный спать мешает. Подошла к выходу и, подкравшись к окну, расположенному справа, поддела двумя пальцами тонкую ткань в цветочек. Солнце еще не успело подняться высоко. Значит, спала я часа три не больше.

У калитки стояли девушки. Три пышногрудые красавицы нервно теребили кончики толстых кос и хлопали глазками. Невольно бросила взор на свои прелести и печально отметила про себя, что «прелестями» это можно назвать с большой натяжкой. Девицы, возжелавшие посетить мой дом с утра пораньше, чуть ли не переламывались под весом кормушки для младенцев.

– Любава! – позвала одна из красавиц, поправляя грудь. Правильно сделала, между прочим. Еще немного и она бы вывалилась из рубахи, что открывала слишком много, еле прикрывая самое дорогое. – Выйди на минутку, поговорить надо.

Раньше они ко мне не захаживали. На здоровье, наверное, не жаловались, вот и обходили мою избушку стороной. Аленка как-то проболталась, что Евдокия, самая пышногрудая из троицы, меня ведьмой называла. Дескать, я и проклясть могу. Ерунда, одним словом. Проклясть не прокляну, а вот несварением желудка наградить могу.

Наивной я не была, поэтому выходить не торопилась. И ежу понятно, что им нужно: расспросить о богатырях хотят. Долго стоят, выжидают, а молодцы свои грозные фигуры из дома не кажут. Жаль, что староста именно намедни решил отомстить неугодной травнице. Подселил двух мужчин к одинокой девушке. Того и гляди слухи пойдут. Как потом, когда молодцы в столицу вернутся, выкручиваться буду? Чем докажу, что дальше сеновала и обеденного стола они не ходили?

– Любава! У меня заканчивается терпение!

Мозги у тебя заканчиваются, если ты стоишь у калитки и дурной курицей орешь. Похлеще того черта, что душераздирающе визжал. Надо их познакомить. Споются, авось она тоже сквозь землю провалится.

– Любава!

Помню я, как меня зовут. Слава богам, память еще при мне, как и здравый смысл, который нашептывает, чтобы я не вздумала выходить. Интуиции я привыкла доверять и сейчас единственное, что хотела сделать, это показать кукиш.

Провидение решило по-другому. Я первая углядела через окно три мощные фигуры, которые направлялись к моему дому. Одного из них узнала сразу. Еще бы я не признала в хмуром витязе Белозора. Сначала у меня замерло сердце, потом кто-то словно стукнул по голове. Или это меня с голодухи повело?

Зря они сюда идут. На их месте я бы повернула назад и засверкала пятками. Девицы обернулись, услышав шаги и сразу забыли о моем существовании. Опять поправили внушительные формы, откинули за спину косы, уперли руки в бока, подчеркивая талии. У Марьи, кстати, стал заметен лишний вес. Если бы она не повторила движение за Евдокией, этот небольшой недостаток еще можно было бы скрыть.

– Чем обязаны, красавицы? – спросил Вольга. Левая его бровь изогнулась, делая серьезное лицо ироничным.

Он, как и я, удивился такой встрече. А вот Радим, хмыкнув, провел пятерней по растрепанным волосам и заскользил взглядом по третьей девице, которую звали Лада, заинтересованным взглядом. Если надумает серьезно ей увлечься, придется предостеречь. Еще седмицу назад она являлась невестой брата кузнеца Светополка. Мужчиной он был серьезным, видным,

со скверным характером. Узнает, что его бывшая невеста быстро себе другого нашла, не сдержится. Помню я, как девица не стеснялась при всех с ним миловаться. Это вам не столица, тут нравы более свободные. Если кто и смущался, то только Светлана Егоровна, да Пелагея Федоровна. Эти женщины были старой закалки, не приветствовали даже заинтересованные взгляды молодых людей, направленных на девушек. Если красавица какая интерес проявляла и (о ужас) осмеливалась первой к мужчине подойти и приласкать, они вообще за сердца хватались. Одновременно и слаженно.

– Вас ждали, витязи, – проворковала Евдокия. А с минуту назад верещала будь здоров. – С гостинцами, – тут она указала рукой куда-то вниз. Увидеть я не могла, забор скрывал. – Поблагодарить хотели, за спасение.

– Дык лично вас мы вроде еще не спасали, – хмыкнул Зорька. – Говорите, как есть, в чем дело?

Эк ты недогадливый, богатырь. Конкретно эта грудастая, нутром чую, в тебе заинтересована. Бежать бы тебе, голубоглазый куда подальше, чтобы не догнала. Иначе умудрится на себе женить.

Недовольно засопела. Ишь чего удумала, вобла сушеная. Моего богатыря… в смысле, защитника нашей славной деревни от службы отвлекать. Не дело это.

Заправив за ухо выбившуюся из косы светлую прядь, открыла дверь и вышла во двор. Ухватила пустое ведро, что валялось неподалеку на сочной траве и пошла к калитке. Ох и дернется сейчас рука. Ой и получит эта зазноба доморощенная по глазу. Седмицу точно в тереме своем просидит, синеву с лица снимая. А я что? У меня реакция хорошая. Бывает. Сегодня вполне способна на шалость.

– Любава, душа моя, – Радим перестал рассматривать красоток и обратился ко мне, – познакомишь?

Не обещаю, молодец, эх, не обещаю. Память у меня девичья. Тут помню, там нет. Могу и в именах запутаться. Самое главное, чтобы рецепты настоек и снадобий из головы не выветрились. А имена всех деревенских я могу и не знать, посчитав, что не стоит себя перегружать.

– Знакомься, – таки рискнула на шалость, – Грымзота, Тарандота и Фигота. – Указала рукой поочередно на каждую из опешивших девушек. Евдокия удостоилась моего внимая последняя. От такой наглости с моей стороны, красавицы зарделись, стали хватать ртами воздух, пыхтеть, как вода в котелке.

– Какие имена чудные, – Зор в задумчивости почесал подбородок. А побриться бы ему не помешало. Хотя… нет, пусть так остается. Легкая небритость ему к лицу. – Заморские?

Снова издевается над девушками. Начинаю привыкать к его странностям. Он любил поязвить, поддеть и наблюдать за реакцией человека на его слова.

– Мы… – голос у Фиготы-Евдокии стал пропадать. – Пойдем, пожалуй. Столько дел еще…

– Да, – поддержала ее Грымзота-Марья. – Батюшка просил это…

– Корову подоить, – ни к месту встряла Тарандота-Лада.

– Ступайте, девицы, – милостиво разрешил оборотень. – Что ж вы стоите. Поторопитесь. Пока батюшка сам не стал… быка доить.

Я с трудом сдерживала улыбку, которая норовила растянуть мои губы до ушей. Смотрелось бы это жутковато. И меня бы тоже попросили удалиться, чтобы… подоить корову, например. С глаз долой и желательно подальше.

Когда местные красавицы скрылись за дальним домом, все внимание мужчин приковалось ко мне. Начала жалеть, что так жестоко обошлась с охотницами до богатырей. Кажется, ждет меня выволочка и полоскание органа, задача которого думать.

– Чем они тебе насолили, Любава? – спросил Белозор, складывая руки на груди.

Проследила за его движениями, моргнула и отвернулась. Если продолжу смотреть, напридумываю себе ерунды, покраснею и, витязь не дурак, догадается, с чего я на него таким странным образом реагирую.

– Не с той ноги с утра встала, – проворчала. – Спала мало.

– И кто в том виноват? – спросил Радим. – Зачем с нами к старосте в ночи пошла?

– Еще бы я не пошла, – фыркнула. – Этот рогатый, между прочим, меня от второго защитил. И сказал… – тут я спохватилась, сообразив, что богатыри не знают о словах чертей.

– Что сказал? – сразу напрягся Белозор.

– Ищи, – промолвила. – Они что-то искали.

– В Молочко? – удивленно вопросил Вольга.

– Да, – кивнула.

– Странно это все, – произнес Зор, смотря то на оборотня, то на Радима. – Мало того, что их, по всему выходит, кто-то призвал. Так еще…

– Этот кто-то приказал им найти непонятно что, – закончил за товарища оборотень.

– Обычно это богатырей посылают неизвестно куда, искать неизвестно что, – проворчал самый любвеобильный молодец из троицы. Думаю, не стоит заострять внимание на том, о ком я говорю.

– Значит, это… вероятно, артефакт, – размышлял вслух Вольга.

– И не абы какой, если на поиски направили жителей Нави, – Зорька опять почесал подбородок. Голубые глаза прищурены и смотрят куда-то поверх моей головы.

– А что черт? – полюбопытствовала. – Он что-нибудь рассказал?

– Молчит, как смертник. – Вольга поморщился. – Хвост жует и помалкивает.

– Пытали? – ужаснулась.

– Пока нет, – ответил мне Белозор. – Но, если продолжит отмалчиваться, придется.

Почему-то стало жалко рогатого. Он не хотел причинить мне вреда. Защитил от недобитого мной черта с копытами на всех лапах. Я не хотела, чтобы ему причинили боль. Но и разобраться в происходящем следовало. Причем, чем быстрее, тем лучше.

– Пойдемте в дом, – предложила. – Такие разговоры лучше вести за стенами, где не подслушают.

– Я за остальными схожу. – Вольга посмотрел на дома, что отсюда казались словно игрушечными.

– Сходи, – кивнул Зор.

Места за столом не хватало. Поэтому часть богатырей разошлись по комнате, в которой я и готовила, и ела, и отвары заготавливала. Я устроилась рядом с печью, изображая из себя тень, которой нет никакого дела до разговоров. Уши же навострила и во всю прислушивалась. Оставаться в стороне по-прежнему не собиралась.

– Сегодня ночью рассредоточимся по деревне, – в конце долгого обсуждения дальнейших действий, подытожила голубоглазая мечта местных красавиц. Мечта, но не по мою душу. Наивных надежд не питала. – Мы с Вольгой пойдем в лес. Местные поговаривают, что там место силы есть. Да и словам Вольги я привык верить. Вдвоем мы быстро заброшенное кладбище разыщем.

Я бы предложила им свою помощь. В конце концов, запасы лекарственных настоек и мазей у меня еще не закончились. Могла поделиться. Нельзя недооценивать чертей. Нападая по одному, они не так страшны. Что если они готовят засаду? Выжидают, притворяются слабыми. Чтобы в нужный час оставить нашу деревню без защиты. Снова придется браться за палку. Готовить пахучие и отпугивающие отвары. Кстати… стоило поведать деревенским о пользе полыни. Способов защиты от темной силы было немного. Если эта пахучая травка действительно отпугивает рогатых, это худо-бедно поможет уберечься.

– А ты, Любава, – жаль, что Белозор ни на секунду не забывал, что я находилась в комнате. Поглядывал на меня время от времени, хмурился. – Из дома ни ногой. Если надо будет травы собрать, попроси одного из нас тебя сопровождать. А лучше нескольких. И сегодня не ходи. Выбери другой день. Если вздумаешь ослушаться…

– То Белозор тебя отшлепает, – подшутил Радим. Кто-нибудь когда-нибудь заставит его молчать?

– Воздержусь от необдуманных поступков, – буркнула, отворачиваясь к окну. Солнце уже нещадно светило, и его тепло проникало через прозрачную перегородку и нагревало кожу. Если простоять так минут двадцать, покраснею. Объясняй потом, что это не от смущения.

– Вот и замечательно, – сказал Зор, и за моей спиной послышалась возня.

Обернулась, посмотрела на мужчину, встающего из-за стола и поправляющего меч, закрепленный на поясе. Клинок прятался в ножнах. По прочной коже шел узор. Обережный… Это легко было понять по характерной вязи и изгибам рисунка. Какой-нибудь замухрынец или шамаханец не понял бы, что он означает. Мне, как родившейся и выросшей на землях Красноград было известно, что создавший эти ножны мастер вложил немало сил и энергии, пытаясь защитить того, кому была предназначена эта искусная работа, от смерти, в любой момент способной настигнуть витязя, от нечистой силы, что эту самую смерть могла принести, и от недоброго глаза. Знала я, что даже плевок под ноги может измучить, истязать болезнью, вогнать раньше времени в могилу, если подкрепить его проклятьем.

Богатыри ушли, и я осталась в гордом одиночестве. Чтобы чем-то занять руки, достала из мешка собранные грибы и стала их перебирать. В смысле по очереди крутила в руках размышляя, когда лучше начать приготовление настоек. Цветущий мухомор решила оставить на полночь. А вот бледные поганки, после промывки в ключевой воде, отправились в глиняный горшок. Туда же я набросала и необходимых сушеных трав. Во время приготовления лекарственного (ну вдруг у кого проблемы с хождением во двор) средства, необходимо было шепотом проговаривать слова заговора. Чтобы проделанная работа не пошла коту под пушистый хвост. Я желала, чтобы снадобье помогло нуждающемуся очиститься. В определенном плане. Если духовно не получается, то пусть хоть так он ощутит облегчение.

Хмыкнув, отставила заготовку на небольшой столик у печи и посмотрела на цветущий гриб, сиротливо лежащий на столешнице. Запрятать надо. Такую редкость не просто найти. Если бы не помощь местного лешего, я могла бы до утра по лесу блуждать. Филин еще этот…

Как только я подумала о могучей птице, у окна прошуршали сильные крылья. Дернулась, оборачиваясь, и увидела восседающего на подоконнике с той стороны, собственно, филина. По оперению поняла, что это именно тот. Он смотрел на меня внимательно, немигающим взором темных больших глаз. Следит за мной что ли? Как нашел мой дом?

– Что ты здесь забыл? – спросила, особо не ожидая ответа. Его и не последовало. – Лети, – махнула рукой, подходя ближе к окну. Прогнать бы его. Пусть и мудрая птица, но всем известно, что плохая это примета, в дом пернатых приглашать.

– Ух-х-х-х, – тихо произнесла птица, не двигаясь с места.

– Прочь, – снова махнула рукой. Открывать створки не собиралась. Если влетит в дом, жди беды. А она и так по пятам ходит, выжидает. – Лети обратно в лес. Или откуда ты прилетел.

– Ух-х-х-х-х-х, – громче выдохнул филин. Дернул крыльями, расправил их, замахал. Перебрал лапами, крепче вцепляясь в древесину и продолжил внаглую сидеть.

Постучала пальцем по окну. Птаха опять ухнула и со всей дури долбанула клювом. По стеклу пошла трещина.

– Ну, – от такой наглости не сразу получилось вернуть дар речи, – сейчас ты у меня получишь.

Выйдя на улицу, ухватила первое, что попалось под руку. Коромысло… ну да, что это еще могло быть? Покрепче перехватив рукой древесину, зашла за дом. Именно туда выходило

окно. Филин продолжал невозмутимо восседать, внимательно следя за моим приближением. На его месте я бы такой беспечной и самоуверенной не была.

– Кыш, – шикнула, замахиваясь.

Птица взмахнула крыльями, отцепилась от рамы и закружила над головой. Издевается?

Могла бы погоняться за бессовестной пернатой, однако не стала этого делать. Жалко животину стало. Это черта по маковке огреть было не зазорно, если он сам лезть начинает и жизни угрожает. Тут совершенно другая ситуация. Кто знает, что на уме у филина?

Подождала, пока это бессовестное существо отлетит на достаточное расстояние, пошла обратно в дом. Приберусь. Проверю, что там на сеновале. Вдруг богатыри меня без сена оставили? Пусть и старое оно уже, но вроде было не просыревшее. После смерти бабушки, я всю живность деревенским раздала. Что мне с ней делать? Еды и так хватало. Времени на сбор трав и ягод больше появилось.

Стоило войти в дом и отставить у входа коромысло, как я опять услышала стук в стекло. Вынесет же его, как пить дать – вынесет.

– Нет, ну ты издеваешься! – возмутилась и пошла смотреть, насколько плачевном состоянии у меня сейчас находится окно. И где те богатыри, что мой покой охранять должны? Я согласна вести себя смирно, лишь бы они меня от этой…

Переступив порог, замерла, смотря на филина, который таки разбив окно (звон услышала на подходе), полез под печь, грозно ухая.

– Что такое?! – воскликнула, опять сжимая рукой первое, что успела нащупать. Веник… Ладно, если правильно ударить и рассчитать силу, без чувств оставить можно.

– Ух-х-х-х!!!

– Куда ты лезешь? – проговорила, подходя ближе и пытаясь оттащить взбесившуюся птицу от печи.

Меня ущипнули за руку, попытались оцарапать и, кажется, послали лесом-полем. Что он там нашел? Не пускает, ухает недовольно, дескать, отойди, женщина, пока мужчина разбирается.

Громкое хрюканье было красноречивее любых слов. Черт забрался ко мне под печь! И его не остановила полынь. Или, если он находит путь под землей, и поблизости нет этой пахучей травки, они могут проникнуть куда угодно? Это сколько обережной травы понадобится, чтобы обезопасить свой дом от вторжения темной силы?

Скалка сама легла в руку. Еще бы, она валялась на шестке, а он располагался как раз над подпечком. Вчера, кстати, моего грозного «оружия» на этом месте не лежало. То ли кто из богатырей положил, то ли домовой подсуетился. Я его никогда не видела, но бабушка поговаривала, был у нас такой. Потом исчез и перестал о себе знать давать. Бабуля тогда сильно переживала, что дом без духовной защиты остается. Я успокаивала, говорила, что не страшно это. Уже потом, когда ее не стало, сама забеспокоилась, ощущая себя покинутой и ненужной пустому дому. Уходить было некуда, поэтому пришлось смириться с одиночеством и просто жить, занимаясь тем, что на самом деле нравится. Это помогало не погружаться глубоко в безрадостные мысли.

– Ух-х-х!!!

– Хр-р-р-р-рю-у-у-у!

Удалось оттащить филина и заглянуть в подпечек. Голову туда, разумеется, совать не стала. Горящие красным глазки увидела сразу же. Три пары злобных глазок, три вздернутых розовых пятачка и копыта на передних лапах. Не желая друг другу уступать, эти рогатые рвались в дом. Стукнула одного из них по лапе, которая вылезла уже достаточно, чтобы я как следует по ней огрела скалкой.

Птица закружила, заухала пуще прежнего. Показалось, что подзывает кого, да вопрос: кого? Если только кто из богатырей на шум прибежит, проходя поблизости. Белозор же гово-

рил, что они дежурить начинают. Вольга же с Зором вообще в лес ушли. Их не докличешься, не дозовешься.

Один из чертей вцепился пастью в скалку и вогнал в податливую древесину клыки. Задергав своим «оружием», попыталась отцепить оное, желательно оставив жителя Нави без части этих самых клыков.

Пока возилась с одним из незваных гостей, вторые двое вылезли из-под печи и стали носиться по комнате, заглядывая в каждый угол. Бегали они быстро. Не разбирая дороги. Из-за этого несколько раз налетели на скамьи, сбросили на пол старенькую скатерть, опрокинули ведро с водой. Разозлившись, со всей силы дернула скалку и таки смогла вырвать ее из пасти. Из древесины торчал один желтоватый кривой клык.

Филин снизился, клюнул одного из чертей по макушке и снова вернулся к самому потолку, чуть ли не касаясь того крыльями.

Внезапно все стихло. Я стояла у печи, рассматривая клык, торчащий из скалки. Птица, подлетев ближе, перестала ухать. Черти, замерев у стола, злобно поглядывали, к чему-то готовясь. Запоздало поняла, что сейчас мне будут мстить за выдранный клык.

– Ой, – пролепетала, отступая. Уперлась о край шестка, сглотнула. Против троих не устою. Стоит им одновременно наброситься и все, нет в деревне Молочко травницы. А меня гриб на столе лежит дожидается. Настойка из бледных поганок готовится. Кто ее процеживать потом будет и заново заговаривать?

Они уже сорвались с места, когда входная дверь ударилась о стену и уже через два удара сердца в комнату ворвались богатыри. Как Белозор с Вольгой оказались здесь так быстро? Почувствовали опасность? Или это случайность?

Черти замерли, нервно захрюкали и полезли под печь, игнорируя стоящую почти вплотную к ней меня. Филин снова громко ухнул и, покружив над молодцами, спланировал на подставленную Зором руку. Осторожно, плавно, боясь поранить когтями кожу. Так-так-так…

– Это что… – выдавила из себя, смотря то на голубоглазого витязя, то себе под ноги, следя, как последний длинный хвост с кисточкой стремительно исчезает. – Твой филин?

– Мой, – охотно ответил Белозор, проводя свободной рукой по серым перьям. – Друг верный и товарищ.

– Следил за мной через птицу? – догадалась.

– Не совсем, – покачал головой мужчина. – Его глазами я смотреть не могу. Это у Вольги такая способность имеется. Я лишь чувствую, когда Зверобою нужна помощь.

– Зверобой? – Я окончательно пришла в себя и поспешила отойти от печи как можно дальше. Пока отходила, подняла с пола скатерть и положила ее на столешницу. Убирать еще после этих рогатых…

– Что тебя удивляет, Любава? – проговорил витязь, наоборот, подходя ближе к месту, откуда повылазила темная сила. Неужто в моей избушке что-то искали? Не мстить же одной непутевой травнице пришли? Какой им от этого прок. – Не в честь цветка его так прозвали.

Промолчала, рассудив, что для разговора мы еще найдем время. А вот обезопасить дом от жителей Нави надо уже сейчас. Иначе я не знаю, где мне от них прятаться.

Снова посмотрела на скалку. Клык так и торчал.

– Трофей? – хмыкнул Вольга, подходя ближе и рассматривая мое «оружие».

– Угу, – пробормотала и отдала скалку мужчине. Все равно от нее уже никакого толку. Если только не оставить на всякий случай, чтобы снова отбиваться, если рогатые вновь полезут в избушку.

– Они снова искали здесь непонятно что, – сказала, обессиленная, падая на скамью. Руки мелко дрожали от пережитого напряжения, глаза были на мокром месте. Приходилось сдерживаться, чтобы не разреветься при богатырях. Было страшно и жутко. Клыки у этих чертей оказались внушительные. Такой рогатый в ногу вцепится – кость раздробит. Восстановить подоб-

ное повреждение под силу лишь Яге. А до нее не один день пути. Дьявольская Пустошь – место, где она сейчас живет, не внушало доверия. Как и супруг колдуньи. – Рыскали по углам.

– Странно это, – произнес оборотень, доставая из скалки клык и крутя его и так и этак. Бесполезную уже деревяшку он положил на стол. – Что им в доме травницы понадобилось? Уже не в первый раз здесь околачиваются. Разве у тебя есть, что взять?

– Ничего ценного у меня нет, – покачала головой. – Только вот… – посмотрела на левую руку, на безымянном пальце которой красовалось простенькое кольцо-оберег, доставшееся от бабушки. – Кольцо с Алатырем. Бабушка после смерти в первую ночь ко мне во сне пришла и сказала, где оно лежит. Я сначала не поверила. Весь день как в воду опущенная ходила. Потом решилась и проверила. И правда нашла в тайничке кольцо. Только какая в нем сила? Простой оберег. По словам покойницы, еще моей матери принадлежавшее. Одно непонятно было, почему она ко мне с этой новостью уже после смерти пришла.

– Покажи кольцо, – попросил Белозор, в мгновение ока оказываясь рядом и протягивая руку, чтобы я вложила свою ладонь в его. Послушно коснулась пальцами огрубевшей кожи, ощущая исходящее от руки тепло. Кажется мне, или она на самом деле такая горячая? Скорее всего, это я холодная, как первый снег, пошедший в конце осени.

– Ну что? – видя, что пояснять ничего не собираются, наконец, не выдержала. Вольга тоже подошел ближе и посмотрел на дорогое моему сердцу украшение через плечо товарища.

– Вольга? – не торопясь отвечать, вопросил Зор.

– Магии не чую, – ответил мужчина. – Простое серебряное кольцо. Да, обережная сила в нем есть. Заговоренное оно. Но это все.

– А кем заговоренное? – полюбопытствовала, не торопясь отнимать свою руку и позволяя и дальше удерживать ее Зору. Тепло, хорошо, спокойно. Словно так и должно быть.

– Старый заговор, – охотно стал пояснять Вольга. – Это все, что я могу сказать. Яга бы больше поведала. Но ее здесь нет. А лететь мне до нее несколько дней.

– Надо снова черта попытать, – Белозор таки выпустил мою руку и меня вновь стала бить дрожь. Хоть бери и цепляйся за него, как за последнюю надежду и лучший источник тепла. И покоя. – Рано или поздно проболтается. Пусть кольцо на первый взгляд и простое, но это не означает, что в нем не скрыта сила. Что если сила темная на самом деле именно его ищет? Просто не знает, как оно выглядит.

– И кому оно могло понадобиться? – стал рассуждать вслух оборотень. – Что, если кольцо с Алатырем ключ? Отпирающий что-то… Или высвобождающий кого-то?

– Столько проблем из-за какого-то кольца? – удивленно спросила, смотря то на одного мужчину, то на второго. – Столько лет оно лежало у бабушки в тайнике. И теперь им заинтересовались черти? Странно это все.

– Вероятно, – Зор посмотрел на Зверобоя, который устроился на подоконнике и вопросительно взирал на хозяина, – пока ты не надела его на палец, оно спало. Не подпитывалось от законного наследника единственного ценного для семьи украшения. Ведь, как я понял, больше у тебя ничего нет? Совсем?

– Нет, – подтвердила.

– Попробуй вспомнить, вдруг во сне твоя бабушка рассказала еще что-нибудь? Объяснила, почему не рассказывала о кольце раньше.

– Точно боялась чего-то, – пробормотал Вольга.

– Вроде больше ничего, – грустно пролепетала. – Сон был коротким. Она рассказала о тайнике, предупредила, чтобы я не снимала кольцо, никому его не передавала и вообще, берегла, потом сон прервался. Я проснулась и с тех пор бабушка мне не снилась.

– Не Кощей же в самом деле к этому руку приложил, – нахмурился Белозор. – Это раньше, поговаривают, он мог из Нави темную силу тянуть и управлять ей. Сейчас у него дела поважнее есть. Да и Яга не позволит Краснограду вредить. Их дочь, как залог вечного мира

между Красноградом и Дьявольской Пустошью. Это в свою очередь означает, что враг у нас другой. Но не слабее Бессмертного.

– Ух-х-х-х, – протянул филин, как бы соглашаясь со словами богатыря.

– Я почти уверен, что угроза исходит со стороны Замухрыни, – Зор отошел от стола и стал медленно мерить комнату шагами. Вольга мешать ему не стал и присел рядом со мной за стол. Мы сидели и следили за голубоглазым витязем, напряженно и пристально. – Не все смирились с тем, что у них поменялся правитель. Мало времени прошло с тех пор, как Кощей убил их царя.

– Не шамаханская же царица из мертвых восстала.

Сказала это и замолкла, почувствовав на себе три заинтересованных взгляда. Опять стало страшно. Нет, ну не думают же они в самом деле, что…

– Что? – выдавила из себя, ежась. – Нет-нет-нет, – мотнула головой. – Только не говорите, что в моих словах есть зерно правды и сейчас оно быстро разрастется в… правду. Всем известно, что Евстратий тянул из царицы волшебную силу. Заточил ее в каких-то подземельях и питал ее магической энергией свою землю.

– Как знать, – не стал опровергать мои предположения Белозор. – Как знать…

Продолжать расспросы не стала. По хмурым лицам богатырей было видно, что они не захотят мне все до состояния манки разжевывать. Грустить по этому поводу причин не было. Вскоре мы собрались, и направились к дому старосты. Перед тем, как выйти из избушки, Белозор успел ухватить со стола у печи ломоть хлеба и шел по пыльной дороге, довольно жуя. Вот… лишний рот. Надо будет поговорить с ними и выяснить, собираются они для себя еду закупать, или решили, что если прибыли сюда нас от темной силы защищать, то и кормить мы их на добровольных началах должны. Другие, возможно, и считают, что грех не накормить таких видных женихов, в надежде, что они останутся погостить… на всю оставшуюся жизнь. Я была более приземленной.

Зря я надеялась, что Евдокия с подруженьками оставят нас на сегодня в покое. Они крутились неподалеку от дома старосты и… да, выпячивали то, чем их наградили боги. Филин, до этого кружащий над нашими головами, недовольно ухнул и куда-то улетел. Наверное решил, что лучше быть от этих красавиц подальше. Интересно, это он настроение хозяина почувствовал или сам пожелал скрыться из виду?

– День определенно богат на события, – сразу воодушевился Радим, тоже выпячивая могучую грудь и проводя широкой пятерней по волосами. Бабник красноградский. Не спроста поговаривали, что витязи, обитающие в богатырском тереме, те еще пройдохи и бунтари. Девок портить горазды, да медовуху хлестать.

Посмотрела на помрачневших Белозора и Вольгу и взяла свои слова обратно. По ним не скажешь, что они любители на девичьей чести потоптаться. Зор вообще мрачнее тучи. Внимание Евдокии ему, кажется, как собаке пятая нога. В том смысле, что без нее гораздо лучше.

– Что же вас так рано батюшка отпустил? – спокойно проговорил оборотень, косясь в сторону дома старосты. Рассчитывает, наверное, через сколько сможет скрыться в тереме, избежав тем самым дальнейшего общения с местными красавицами.

– Ох, молодцы, – самая грудастая еще быстрее затеребила кончик густой косы. Сейчас, стоя к ней ближе, чем в прошлый раз, заметила, что пряди немного отличаются по цвету. Причем, кажется, по всей длине. Неужели с кого-то состриженными пользуется? Поэтому волосы смотрятся такими густыми, красивыми и тяжелыми. – Горе у нас случилось. Батюшка ногу сломал. Работа встала, сильные руки нужны.

А ноги им не понадобятся? Ишь, какие наглые. Словно у витязей других дел нет. Черти еще не все переловлены. Какое к всему этому имеет отношение кольцо-оберег, доставшееся мне от матушки? И самое главное – кто за всем этим стоит? И чем в итоге нам это грозит?

– А братья как же? – а это спросил уже Белозор.

– А братьев нет, – развела руками Марья. Обманщица. Что они думают, если богатыри тут всего-ничего, то и не знают, у кого кто в родне ходит? Уже, наверное, во всех домах побывали и со всеми переговорили.

– За день иссохли? – а это заинтересовался Радим.

– Почему иссохли? – захлопала большими глазками Лада.

– Еще утром были, а теперь пропали. Не порядок, – покачал головой Зор. – Будем разбираться. Но вы… – он положил ладонь на округлое плечико Евдокии, – не беспокойтесь. Во всем разберемся и найдем. Даже если от них одни рожки да ножки остались.

Девушка непонимающе захлопала глазами. Открыла рот, потом закрыла. Захлопала длинными ресницами еще быстрее. Хм… с неделю назад они у нее такими выразительными и густыми не были. И их что ли у кого позаимствовала? Два вопроса у меня по этому повожу: у кого? И как умудрилась прицепить? Подходящие клеющие составы только я могла изготовить. А за последнее время никто ко мне с подобной просьбой не обращался.

– Так это… – Взгляд Евдокии заметался по сторонам. Еще немного и один глаз будет вправо смотреть, а другой – влево. – Ну…

– Ну, мы пойдем пока, – перебил ее невнятную речь Вольга. – Дела у нас. А поиском ваших братьев мы чуть позже займемся, не обессудьте.

Мужчины дружно направились к терему Остапа, и я следом за ними. Спину сразу захотелось почесать. Стоят, провожают недобрыми взорами, мысленно, скорее всего, сыпля проклятиями, считая меня главной соперницей. С чего, непонятно. Неужто успела дать повод?

Дверь нам открыла хмурая Василиса Никитична. Увидев на пороге богатырей, грусть с ее лица словно дождевой водой смыло. Ливнем, в мгновение ока пробежавшемся по бледной коже и придавая ей румянец, мало похожий на здоровый. Эк ее наличие в нашей деревеньке витязей приободрило.

– Белозор, Вольга, Радим, – встрепенулась супруга старосты. На меня она свой блестящий взгляд не обратила. Раньше я считала, что эта женщина более разумная. На деле оказалось… что оказалось. – Чем обязана?

– Пришли с чертом потолковать, – слово взял Зорька (не могу до конца отказаться от этого прозвища). – Впустите в дом. У нас мало времени.

– Ах, конечно, – засуетилась женщина, отходя в сторону и пропуская молодцев в дом. Я, опять же, плелась следом. – Супруг еще спит. Плохо себя чувствовал всю ночь. Будить его или не надо?

– Не стоит, – подходя к лестнице, ответил Белозор.

– Но мы не можем обещать, что он не проснется от шума, – предупредил Василису Радим. – Любава, душа моя, ну где ты там?

Я и рта раскрыть не успела, как меня перехватили за запястье и повели на второй этаж. На середине лестницы наглая рука переместилась на талию. Хлопнула по ладони богатыря, случайно привлекая тем самым внимание остальных. И если Вольга скользнул по нам мимолетным взглядом. То идущий впереди нас всех Зор был, мягко говоря, недоволен. Прямо… очень мягко говоря.

– Руку убери, – прошипела, с опаской поглядывая на голубоглазого. – Убери, смертник.

Радим, почему-то довольно хмыкнув, свою наглую конечность убрал, отступил на шаг назад, позволяя мне дальше идти самостоятельно. Только после этого движение возобновилось.

Пока никто не видел, показала бабнику красноградскому кулак. Еще бы и «добрым» словом наградила. Но девушкам не принято браниться. Пришлось прикусить язык и притворяться кроткой, скромной девой, до чертиков боящейся чертиков. Мысленно представляя, как одному конкретному рогатому стукаю несчастной скалкой по рогам.

Поднявшись на второй этаж, задерживаться там не стали. Прошли к другой, более узкой лестнице, Белозор отпер ключом замок, что висел на небольшой дверце, и вошел, собственно, на чердак. Мы прошли следом. Василиса осталась топтаться внизу, слушая храп своего супруга. Храпел он, кстати, знатно. Сразу видно, не солгала женщина – Остап на самом деле спит и просыпаться не собирается. Даже если богатыри начнут хвост черта бантиком завязывать.

Сила темная мало походила на эту самую силу. Скукожившись, обладатель свиного пятачка, сидел прямо на полу в дальнем углу и в задумчивости жевал соломинку. Где ее раздобыл, одним богам известно.

– Чего пришли, горемычные? – черт посмотрел на нас, сморщил морду, почесал рукой за ухом. – Надеетесь, что я все вам расскажу?

– Нет, – заговорил Зор, медленно подходя к пленнику ближе. – Просто так ты ничего не скажешь. А вот если тебе рога обломать и на копыта подковы новомодные прицепить…

– Ты на что намекаешь, богатырь? – сразу насторожился черт. – Какие еще подковы?

– Да есть такие, новомодные, – поддержал товарища Вольга. – Специально для таких как ты сделаны. При ходьбе они противно цокают.

– Ох уж эти кузнецы, да алхимики, – покачал головой черт. – Чего только не придумают. То металл прочнее обычного сотворят, то не промокающую писчую бумагу наколдуют.

– Разговор не туда заходит. – Белозор остановился в каких-то паре локтей от темного. – Ты вот что поведай: что твои собратья в доме Любавы ищут? По-хорошему отвечать не захочешь, – мужчина красноречиво размял пальцы рук, – заставим. На этот раз щадить не будем. Надо было сразу из тебя всю правду выбивать.

– Да знаешь ли ты, богатырь, – прорычал чертик, – что с тобой за это хозяин сделает?

Хозяин… значит, ими управляет мужчина? Или этот прохвост так сказал специально, чтобы ввести нас в заблуждение? Думаю, богатыри не настолько наивны и, так же, как и я, не торопились верить быстро произнесенным словам.

– А ты поведай мне, – продолжил странный разговор Белозор, – что он сделает. Интересно послушать.

– Подловить меня хочешь, безродный? – теперь черт шипел. – Правда может стоить тебе жизни. Благо что горевать по тебе никто не станет.

– Ты, я посмотрю, – молодец оставался невозмутимым, – пытаешься во мне определенные чувства пробудить. Бесполезное занятие.

– Вот и меня на откровенность подбивать бесполезно.

Соломинка из его пасти упала на пол. Черт поднялся, стукнул пару раз левым копытом по дереву, хлопнул в ладоши… Его тело стал окутывать красноватый туман. Когда я уже забеспокоилась, что он сбежит, Зор ухватил этого паразита за ухо и потянул на себя. Вольга с Радимом в мгновение ока оказались рядом. Оборотень сжимал тонкий кинжал, а его товарищ меч.

– Понадеялся, что сбежать сможешь? – хмыкнул богатырь, крепко удерживая рогатого за многострадальную часть тела. – Выжидал, чтобы нас удивить иль напугать?

– Ничего не скажу, – пропищал черт, прикрывая один глаз. – Отпусти, деспот. Ухо оторвешь!

– Сейчас еще и хвоста лишишься, – пригрозил Радим, направляя на нервно подергивающийся хвост свое оружие. Всего пара шагов, и он на самом деле мог его отсечь. Если клинок хорошо заточен.

– Любава, – Белозор смотрел холодно. От этого взора хотелось сбежать, запереться у себя в избушке и не выходить оттуда, пока богатыри не вернутся в столицу. – Выйди, тебе здесь более не на что смотреть.

– Это ты к чему? – громче заверещал черт, пытаясь вырваться. Сейчас ему, кажется, и уха жалко не было. – Пусти, а то хуже будет.

– Любава…

Отошла к двери, но спускаться вниз не спешила. Я понимала, что витязи не цветочки возле своего терема сажают. И не крестиком в свободное время вышивают. Однако, проще было думать, что они способны на кровожадность лишь в крайнем случае, когда им угрожает смертельная опасность. Если выбор заключается в том, кто останется в живых: ты или противник, тут нечего думать. О благородстве и самопожертвовании в таком случае лучше забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.